

**Честно говоря, за такую
дорогу и в Европе
нам не пришлось бы
краснеть.**

(С. 10)

**Новое поколение
зрителей —
публика искушённая,
их не обманешь...**

(С. 26)

ДАГЕСТАН

№4 (151)
ИЮЛЬ-АВГУСТ 2018
dagjournal.ru

Колонка неглавного редактора

...Плюс цифровизация всей страны

Меня часто спрашивают: зачем нужно министерство печати и информации? Ты же журналист, вот и ответ. Жили же мы как-то без него прежде, а теперь вот развелось бесполезных чиновников — только успевай кормить...

Легкомысленные и забывчивые люди, вот что я вам скажу. Большевики в 17-м, они ведь не просто так брали мосты, почтамп, телефон, телеграф. Добавьте сюда интернет с емейлами и постами и осознайте всю важность контроля коммуникаций во всём их многообразии.

А министерство печати было всегда, только называлось иначе. Например, отдел пропаганды и агитации Дагестанского обкома КПСС — со всеми своими многочисленными отделами в городах и районах. Едва ли не самый многочисленный и влиятельный, кстати. Он же выполнял функции министерства по делам национальностей, по делам религий. Печать «пасли» специальные ребята-контрразведчики из пятого управления КГБ, борцы с идеологическими диверсиями. Функции цензоров были возложены на Главлит, Госкино и Гостелерадио. И жили они счастливо, но не умерли в один день...

Последние трансформации моего «родного» министерства как бы намекают на резкое усиление его позиций. Во исполнение майских указов, сами знаете кого, по всей стране прокатилась и плеснула о родные берега волна перемен и переименований. В результате мы имеем в одном флаконе информатизацию, связь, массовые коммуни-

кации и нового врио. Современные компетенции, так сказать, и всеобщая цифровизация на марше.

Не надо забывать об управлении по информационной политике администрации главы и правительства РД сверху и Роскомнадзоре снизу. Мелочи вроде системы оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ) во всех её трёх ипостасях оставим спецслужбам, им нужнее. Террористов отследить, экстремистов выявить, психологический портрет обывателя срисовать в фас, профиль, в цвете, 3D и МРТ.

Так что без присмотра мы никак не останемся. Никак.

Пока что это привело к тому, что мало кто из чиновников имеет желание общаться с журналистами по существу. В отказ уходят не только чиновники, но и бизнесмены. Их всех можно понять — никому не нужны лишние неприятности. И, наверное, простить, но, как говорил Василий Иванович Чапаев, тут есть нюансы...

Холощёная, кастрированная информация по определению бесплодна и опасна. Она не несёт смыслов, порождая исключительно фейк-ньюс и искажённую реальность. Причём не только в СМИ, но и в правительственных документах, отчётах и решениях.

Так что живи в реальном мире, читатель. Береги себя. Душевного тебе здоровья.

Дмитрий Горбанев

Содержание

- 4 Последний адрес
Светлана Анохина
- 10 Окно в Европу
на буйнакском перевале
Андрей Меламедов
- 14 Люди, пальтары
и змей
Влада Бесараб
- 20 На солнечной стороне
Гамзат Изудинов
- 26 Эта музыка
будет честной
Влада Бесараб
- 34 Поймать характер
Влада Бесараб

Фото в номере: Руслан Алибеков, Карина Алиева, Светлана Анохина, Марат Гаджиев, Айдемир Даганов, Магомед Даудов, Андрей Калугин, Гаджикурбан Расулов

16+

ДАГЕСТАН

№4 (151) июль-август 2018 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
135000000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

40 Война и перемирие
Асадуллы Гаджиева

Светлана Анохина

56 Цепь

Индира Зубаирова

46 Верю не верю

Умараги Салихова

58 «Спроси у сердца
своего...»

Казбек Султанов

52 Тайная тетрадь

Магомед Бисавалиев

61 Руми. Рубайи

Муртазали Дугричилов

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии

ООО «Издательство «Лотос».

Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:

на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – раз в два месяца

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.

Тираж – 1200 экз.

Номер заказа –

Дата выхода –

Светлана Анохина

ПОСЛЕДНИЙ АДРЕС

Впервые Мадина Ахмедова услышала о «Последнем адресе» в конце 2016. Прочла в Фейсбуке, на страничке основателя проекта журналиста Сергея Пархоменко, мол, установлен ещё один памятный знак. Тут же фотография таблички, маленькой, предельно простой, голой и страшной, какими бывают смерть и правда. Слева, где полагается быть портрету, — квадратная прорезь, в ней стена дома. И буквы на табличке: «Здесь жил...», а ниже — имя, род занятий и даты.

Ещё не очень понимая, что собой представляет проект, принялась читать дальше. Будь там имя человека известного, учёного, режиссёра, писателя или военного в высоких чинах, возможно, ничего бы и не произошло — привыкли. Но тут табличка устанавливалась в память обычной женщины с заурядной биографией. Жила, работала машинисткой в каком-то учреждении, печатала на своей машинке, бегала в кино с подругами, может, была в кого-то влюблена. И вдруг арест, быстрый суд и приговор, как у сотен тысяч её современников. Жизнь закончилась. А в 50-х всё всколыхнулось, папка с её делом вместе с другими такими же была поднята из архивов, легла на стол проверяющего из Военной коллегии Верховного суда, и в неё был подшит последний документ. «Дело прекращено за отсутствием состава преступления», — значилось в документе, и ещё — «реабилитирована посмертно». И вот теперь на стене дома, откуда эта женщина вышла, чтобы никогда не вернуться, устанавливали табличку.

С этой истории жизни всё и началось. Через пару дней Магина села и написала Сергею Пархоменко письмо. Совсем не официальное, наоборот. Она написала об убитой прабабке, о собственной тяжёлой болезни, которая изменила её, и о том, как видит сейчас своё место в жизни и свою задачу:

«... Мне тепло от мысли, что есть люди, которые лучше меня: совестливые, с незаросшим чувством нравственности, вышедшие за пределы зоны собственного комфорта. Думаю, в этом наши системы координат совпадают».

Мы с Магиной сидим в одной из открытых кафешек на проспекте Гамзатова. Только что вернулись с невесёлой прогулки — обходили дома, где в ближайшее время предполагается установить те самые «памятные знаки» с квадратом пустоты вместо лиц и страшными строчками, где подряд — дата рождения, ареста, гибели, реабилитации.

— В общем-то, нельзя сказать, чтобы я когда-то сильно интересовалась темой репрессий. «ГУЛАГ» не читала. Разве что «Один день Ивана Денисовича», да и в родне у меня нет репрессированных. Была, правда, прабабушка, говорят, очень смелая, бескомпромиссная женщина... И как-то она узнала о злоупотреблениях одного их функционера партийного.

— Это где происходило?

— В Чародинском районе. Она ему пригрозила, мол, молчать не стану! И буквально на следующий день исчезла. Где-то неделю не могли найти. Всё наше родовое село, весь аул выходил на поиски. В итоге родной сын обнаружил её тело за огромным валуном. Она была убита зверски, порядка 28 ножевых ранений. Разумеется, её нельзя назвать жертвой репрессий, но для меня её смерть тоже часть общих процессов, что тогда происходили. Вообще я думаю, не стоит питать иллюзии насчёт собственного благополучия, неприкосновенности собственной.

Вот я юрист, вроде бы вооружена достаточно для защиты своих собственных прав, жизни, ещё чего-то. Но, зная, как может работать репрессивная машина в нашей стране, понимаю, что и я не застрахована. В какой-нибудь момент этот вроде бы мёртвый механизм может опять включиться, и шестерёнки завертятся. И придут, и заберут, и ни материальное благополучие, ни связи, ни имя — ничто не поможет. Я это очень хорошо поняла через свою болезнь. Да, вот тут получается сходство, параллель, видишь? Болезнь человека и болезнь страны всей.

И вот я состыковалась с Сергеем Борисовичем. Написала на сайт Последнего адреса, мне дали его емейл, сказали, что для него это очень важно. Я на одном дыхании настрочила ему письмо. Он ответил практически сразу, спросил, вы согласны быть координатором этого проекта здесь? Спрашиваю, что для этого

требуется? Оказалось, ничего не требуется, просто активная жизненная позиция. И нужно ещё болеть душой за этот проект. Пишу ему: да, конечно! И тогда он меня состыковал с со-

трудниками Последнего адреса, которые координируют проект по России и за рубежом. Мы поговорили, я получила у них списки по Дагестану и написала пост в Фейсбуке, что есть такая вот инициатива и попросила всех, кто неравнодушен, отозваться, откликнуться.

Первые памятные таблички появились на девяти московских домах в декабре 2014 года. Дизайн архитектора Александра Бродского. Их размер 11 на 19 см.

Откликнулась из Москвы Саида Далгат, она внучка репрессированного Абдулманафа Далгата. Тоже в 37-м году дед был арестован, расстрелян. Из Канады написал Гасанхан Шовкринский, внук Юсуфа Шовкринского — начальника отдела культуры и просвещения Дагестанского обкома. И я стала готовить запрос в архивные структуры. В том числе в архив УФСБ по Дагестану. Они дают информацию, но неохотно, упирают на то, что предоставляют её только родственникам. Хотя по закону по истечении 70 лет доступ к архивным документам такого рода должен предоставляться любому желающему. В общем, там ничего не нашлось, и я переключилась на Центральный государственный архив. В течение положенных 30 дней мне отписались.

— А что за справки ты у них просила, какого характера?

— Ключевые сведения: дата рождения, дата расстрела, либо когда погибли в лагере,

когда по этапу шли. Есть информация, которая закрыта даже для родственников, например, свидетельские показания. Как я поняла, там такая история с доступом — с конца 50-х до 90-х эти документы для родственников были открыты, но случилось такое, что люди начинали мстить. И в этой связи на некоторые документы стали ставить гриф «секретно». Во всяком случае, так мне объяснила Ольга Бекаева — директор Центрального госархива Дагестана. Она мне сразу сказала: «Мадина, знакомить с уголовным делом возможности нет, но данные я тебе могу предоставить». Вот такая история со всем этим доступом.

— Проблемы были? По своему опыту знаю, все предполагают корысть либо личный интерес. Спрашивают: зачем тебе это надо, когда нужно зарабатывать бабки; зачем занимаешься делом, не

приносящим деньги, отнимающим кучу, времени, сил, нервов.

— Бывает. Я как-то звонила в архивную службу МВД, там интересуются: «Можете подробнее рассказать, для чего вам нужно, мы хотим знать, куда эта информация идёт». Ну я отвечаю: «Это моё личное, это потребность, я люблю свою землю, я люблю свой народ. Мне безразлична история моего народа. Нельзя игнорировать такую вещь, как историческая память». Высокопарные, может быть, слова, но они совершенно искренние. И в запросах я указываю, что занимаюсь этим проектом на общественных началах, то есть бесплатно, нет никакой корысти, и никакой административный ресурс тут не задействован.

Но я сталкивалась и с другим. Наверное, это можно назвать «нежелание помнить». Люди спрашивают: «Вы что, хотите весь город усеять этими табличками, превратить в кладбище?»

— А то у нас город уже не превращён в кладбище! В честь Гаруна Курбанова улица названа? В честь Абашилова, Гусаева, Адильгереева Магомедтагирова, я даже всех не упомяну. Как только теракт и погибшие из людей при должностях — тут же переименовывают в их честь улицу, ставят памятники. А тут и проект человечней, ты сама говорила, машинистка простая наравне с маршалами и наркочинами, и табличка на одном доме, маленькая совсем.

— Почему-то твои аргументы мне в голову не приходили. Отвечала: «Вы не переживайте, я предполагаю, что едва ли наберётся сотня по всему Дагестану». Не потому, что у нас мало репрессированных и реабилитированных посмертно. По Дагестану, если не ошибаюсь, где-то три с половиной тысячи реабилитированных. Но здесь нужно сделать оговорку. Среди них есть частично реабилитированные. Вот у меня такая история была с Умашевым. Он проживал в Махачкале на улице Бондарная, нынешняя Коркмасова, имел какое-то отношение к заводу КЭМЗ в Кизляре, чуть ли не основателем был. Ему инкриминировали несколько статей, в том числе и 58-ю — контрреволюционная деятельность. Вот по ней он реабилитирован, но по другим-то

нет. И по правилам проекта в таких случаях таблички мы не устанавливаем.

Кроме того, нужна добрая воля людей. Но люди очень испорчены коммерческим мышлением. Если бы это был проект, где можно заработать, желающих оказалось бы в разы больше. Хотя, возможно, я недостаточно активно его пиарю. В положении Последнего адреса значит — «Одно имя, одна жизнь, один знак». Но и заявитель обычно один, а не «группа товарищей». И тут получается так — 4 тысячи (а именно столько нужно заплатить за табличку) это немного. Но остальное достаточно трудоёмко, за каждой крохотной табличкой стоит большая работа. Письмо отправить не сложно, но нужно дождаться ответа, а в некоторых случаях решать, как правильно поступить.

У меня не возникло проблем с жильцами дома на Оскара, где жил Шовкринский, тем более, там уже есть мемориальная доска в его честь. Но с Абдулманафом Далгатом сложнее: дом, в котором он жил, давно снесён, а стоял он между нынешним Русским театром и Театром кукол на проспекте Гамзатова. По правилам, табличку в таких случаях крепят на здании, что стоит ближе всех. В Питере даже на стену Эрмитажа прикрепили. Но в нашем случае тут два театра и фонтанчик между ними. То есть, решать всё нужно то ли через

Минкультуры, то ли через Минимущества. Да и в самом простом случае нужно согласовывать всё с жильцами дома, на котором табличка должна крепиться. Вот здесь иногда возникают проблемы.

— Не совсем понимаю, какие. Для меня это было бы потрясение, и я, разумеется, сказала бы: да, конечно, крепите! Знать, что ты живёшь в доме, из которого навсегда увели человека... А он спал, может быть, в это время! Был тёплый, растерянный, в нижнем белье, открыл дверь, уже понимая, что всё, но ещё веря, что, может быть, ошибка. И его оттуда забрали — и гнездо опустело. И ничего не выяснили и никого не отпустили — он погиб где-то, либо расстрелян. Я когда об этом просто думаю, вот эти дома — они как зияющие окна в страшное.

— Вся эта драматургия у меня перед глазами всегда. Но приходится брать себя в руки, хладнокровно вести работу. А насчёт понимания причин отказа, могу объяснить, как объясняют мне. Во многих до сих пор сидит страх, они не хотят даже помнить об этом. Страх, что эта репрессивная машина вдруг снова оживёт, и лучше сделать, как в детстве

— не говорить, не вспоминать, не думать о ней.

— А то она взвоят и снова заработает.

— Да, именно так. Ещё есть момент. Насчёт родственников всё понятно, им просто неприятно, может быть, что кто-то из их рода сидел, — не важно, реабилитировали его или нет, но лучше о таком «пятне» не упоминать. А есть ещё и не родственники, те, кто сомневается, подлежал ли этот человек реабилитации. Или ещё хуже — те, кто в каждой такой истории видит попытку «очернить страну, эпоху и Вождя». Они го-

ворят: знаете, всё не так однозначно. И это ещё в лучшем случае. Я как-то нашла информацию, что из общего двора на улице Ермошкина (она раньше называлась Степная) увели священника, — Фёдор Сальников его звали, если не ошибаюсь. Когда один из нынешних жильцов узнал, зачем я пришла, он просто захлопнул дверь перед моим носом. Сказал: «Свободна, пошла отсюда!» — и захлопнул. Потом объяснили, что он ярый сталинист. Не хочет ни слышать, ни знать. Социологи говорят, в обществе есть запрос на жёсткую руку.

— Есть такой момент, очень меня смущающий. Я как-то записывала человека, его отец был репрессирован и реабилитирован посмертно. Так вот, он рассказывал, как их семья въехала в новую квартиру, — отцу дали служебную. Какой там стоял диван, кожаный, большой. Какие чашки тонкого фарфора были, библиотека... И как ужасно было, когда за отцом пришли ночью и их всех практически на улицу выбросили. И он всё время повторял про большие окна, про диван. И я у него спросила, осторожно так: а ведь до вас там кто-то жил? Это

были окна, диван и чашки другой семьи, и их так же выкинули на улицу. Я не решилась сказать прямо — что жили вы в отобранной квартире, и весь ваш уют с окнами был чужой, краденый! Хотя, думаю, он бы и не услышал. Покивал головой и снова за своё, как семья голодала, как вчерашние друзья закрывали перед ними двери. И я поняла, что для него есть только одна правда — его потеря, его дом, его папа. И тут для меня сомнительный этический момент. Насколько нравственно увековечить такие имена, ставить в один ряд с их жертвами?

— Смотри сама: эта табличка, сам этот знак — он фотографический такой, человек взглянул и, может быть, фамилии даже не запомнил. А в подкорке у него отложилось, вот, оказывается, может быть такое: арестовали, судили, расстреляли или фактически угробили в лагере или на этапе, а после сказали — был невиновен. Ну и то, что ты говоришь, оно же не менее ужасно — оказывается, эта машина опасна даже для тех, кто ею рулит! Давит и «своих»! Этот проект не прославляет репрессированных, он показывает, что с нами может случиться — со всеми нами! — если мы допустим, чтобы всё повторилось. Во все

времена были и алчные, и великодушные люди. Но мы о чём говорим? Что была создана такая государственная система, которая убивала всё, что мы называем порядочностью. Помнишь знаменитую фразу из Довлатова: «Сталин, конечно, был кровожаден...»

— ...но кто написал 4 миллиона доносов»? Я не согласна с ней категорически!

— Так и я тоже! Давай провернём её. Миллионы доносов, конечно, были написаны, но кто создал и укреплял систему, в которой это поощрялось, а иногда было единственным способом спастись?

— Слушай, мне же в конце 2016-го страшно повезло, на вручении премии «Гражданской инициативы» в Москве я познакомилась с девушкой. Елена, кажется, её звали, в общем, она как раз представляла «Последний адрес» с Денисом Карагодиным из Томска. Это тот самый парень, которому удалось получить все документы, касающиеся дела, по которому был расстрелян его прадед. Он узнал имена всех, кто к этому причастен, с самого верха до рядовых исполнителей — вроде водителя «воронка», делопроизводителя в НКВД и прочих. Пять лет на это ушло. И вот я стою на сцене, мне бы о своём проекте рассказывать, а я их обоих в зале глазами ищу, и сказать ничего не могу, кроме как: ребята, это для меня огромная честь, огромная! Но Денис сдвинул всю эту махину в очень пугающем направлении. Он же пытается добиться суда над каждым, кто причастен к расстрелу прадеда. И махина начала сопротивляться... Прикрывать архивы. А ты — человек государственный, юрист, работаешь в очень серьёзной конторе...

— Я госслужащий, ты права. И «контора», как ты говоришь — серьёзная, но можешь мне поверить, мне ни разу не пришлось идти против своей совести. И если вдруг что-то такое возникнет, если на меня вдруг станут давить... Я сейчас говорю очень честные слова, взвешенные, я много думала об этом. Так что отнесись серьёзно. Так вот, я решила для себя, и моё решение звучит так: «Делай — что должен, и будь — что будет!»

Андрей Меламедов

ОКНО В ЕВРОПУ НА БУЙНАКСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

Дорога в горы из Махачкалы начинается с Буйнакского перевала. Не очень высокого, не очень опасного (снежные зимы не в счет), а главное очень компактного — 15-20 минут, и ты уже на другой стороне. Многие считают, что этот перевал — идеальный тренировочный полигон перед поездкой по горным дорогам — проехал по нему и настроился на то, что в горах встречные машины всегда появляются неожиданно, а цена ошибки в разы выше, чем на равнине.

В этом году перевалу «повезло», он попал в федеральную программу «Безопасные и качественные дороги», и в середине мая здесь начались масштабные работы по ремонту дорожного полотна. Работы ведет «Дорстройотряд-99», сосредоточивший на участке протяженностью 9 км (это длина перевала от Ленинкента до поворота на Талги) более 70 человек и 40 единиц самой современной дорожной техники.

— Начали мы с расчистки оползнеопасных участков, — рассказывает директор «Дорстройотряда – 99» Магомед Османов. — В смете эти работы называются оборкой, они предусматривают очистку склонов от осыпей и камней, которые могут «съехать» на дорожное полотно. Именно из-за этих работ мы на десять дней полностью перекрывали движение по перевалу. После этого мы произвели планировку обочин и откосов, регулируя при этом угол уклона каждого откоса.

Для чего это нужно? Если высыпать на землю ведро песка, образуется небольшая горка, склоны которой образуют определенный угол по отношению к поверхности земли. Именно этот угол превращает песчаную горку в статичный объект — песок больше не растекается, он словно бы застыл в этой форме. Регулируя угол каждого откоса на перевале, мы как раз добивались

того, чтобы минимизировать сползание грунта по склону. Ну а в особо опасных местах устанавливали бетонную подпорную стену.

Бетонных работ на перевале корреспонденты журнала «Дагестан» обнаружили неожиданно много — вдоль всей трассы устанавливаются новые кюветы для водоотведения, на

изготовление которых было потрачено более тысячи кубометров бетона. Вообще, как оказалось, до начала укладки асфальта дорожникам пришлось провести множество «попутных» работ, без которых дорога нормально функционировать не сможет.

К укладке асфальта вообще готовились долго. Сначала полностью заменили дорожное покрытие в многочисленных местах просадки. Затем на этот асфальт уложили выравнивающий слой асфальта и армированную решетку на основе стекловолокна (при этом на некоторых участках толщина выравнивающего слоя доходила до 40 см). И уже поверх этого лег финишный слой асфальта. Но и после укладки финишного слоя работы не закончились. Для улучшения сцепки колес автотранспорта с дорожным полотном будет произведена поверхностная обработка трассы — в асфальт «впечатывают» кубовидный щебень, смешанный с битумом.

— Времена, когда ремонт дорожного полотна ограничивался укладкой свежего слоя асфальта поверх старого, залитого битумом, а главной техникой на объекте был примитивный каток, остались в прошлом, — комментирует ход работ Магомед Османов. — Со

старой техникой дорогу по евростандартам сегодня построить невозможно. А эта дорога, уверяю вас, и в Европе не будет смотреться чужеродной. Все сделано по европейским нормам, именно поэтому машину не трясет и не бросает. Все это обеспечила «умная» техника: асфальтоукладчики, использующие при укладке покрытия 2D-нивелирование и перегружатели асфальтобетонной смеси. Именно эти технологии позволяют получать на выходе идеально ровное дорожное полотно.

Уверен, что все это, помноженное на профессионализм нашего дружного коллектива, позволит нам построить одну из самых ровных и красивых дорог в Дагестане. Честно говоря, за такую дорогу и в Европе нам не пришлось бы краснеть.

Несмотря на то, что по новой дороге ездить было очень приятно, корреспондентов журнала «Дагестан» не покидало ощущение, что на ней чего-то не хватает. Наконец, не выдержав, мы поинтересовались у Османова, почему даже полностью завершенные участки дороги выглядят как-то не так?

— Естественно, не так. — рассмеялся он. — «Голое» дорожное полотно — это еще не дорога. Без барьерных ограждений, которые еще не установлены, и без разметки она совершенно не смотрится, постоянно ловишь себя на мысли, что здесь чего-то не хватает.

Посмотрите, как она будет выглядеть после завершения всех работ. Надеюсь, что ее не изуродуют рекламными щитами и баннерами, как у нас принято повсеместно.

Я много ездил по Европе, изучал опыт дорожного строительства. И обратил внимание на то, что вдоль европейских дорог практически нет уродливых рекламных щитов. А те, что есть, выдержаны в едином стиле, прошли строгий дизайнерский контроль. По качеству покрытия дорога Лондон — Манчестер ничуть не лучше новой аэропортовской трассы. Но последняя буквально «убита»

уродливыми рекламными щитами и поэтому абсолютно не смотрится.

В ходе ремонта дороги оказалось, что в смету не вошли два проблемных участка. И если первый из них можно рассматривать как «подарок» природы — один из откосов «поплыл» и теперь надо думать, как укрепить опасный склон, то второй — исключительно рукотворный: проектировщики «случайно» просмотрели небольшую горку, затрудняющую обзор на одном из крутых поворотов, и теперь заказчик уговаривает дорожников как-то решить эту проблему. Естественно, за свой счет. И хотя обе эти проблемы «весят» достаточно много — для их решения надо выбрать и вывезти более 20 тысяч кубометров грунта, — дорожники решили проблемную горку скрыть, чтобы сделать новую дорогу максимально комфортной для водителей.

Накануне выхода журнала мы связались с Магомедом Османовым и выяснили, что про-

blemная горка, мешающая обзору на крутом повороте, уже полностью снесена, для чего пришлось вывезти более 6 тысяч кубометров скальных пород.

Параллельно с дорогой через перевал «Дорстройотряд-99» ремонтирует еще одну трассу, ведущую в горы, так называемый Талгинский участок. Это 12 км дороги, берущей начало у Южного поста ГИБДД и проходящей мимо поселка Талги в сторону Буйнакскa. Здесь тоже полностью обновляется дорожное покрытие и проводятся практически те же работы, что и на перевале. Но поскольку эти дороги разной категории — на перевале — второй, а на Талгинском участке — четвертой, на последней не будет залитых бетонных кюветов. Но будет идеально ровный асфальт, позволяющий обнаружить за горой Тарки-Тау небольшой островок Европы. Правда, очень небольшой — всего 12 километров.

Средневековая кубачинская башня этим летом переживает настоящее
нашествие: в её стенах проходит I Биеннале печатной графики,
которая так и называется — «Кубачинская башня».

ЛЮДИ, ПАЛЬТАРЫ И ЗМЕЙ

родилась идея провести в Кубачах биеннале, собрать под крышей кубачинской башни, которую как раз недавно отреставрировали, работы лучших графиков Дагестана и других регионов страны. Местная власть в лице главы села Абдусалама Куртаева идею поддержала, сельчане также откликнулись с энтузиазмом,

Идейным вдохновителем и куратором проекта, реализуемого при поддержке Фонда президентских грантов и общественной организации «Содружество», является доцент кафедры живописи художественно-графического факультета ДГПУ, заслуженный художник Дагестана Юсуп Ханмагомедов. На протяжении многих лет он приезжал в Кубачи на этюды вместе со своими студентами и колле-

ведь любовь к прекрасному у кубачинцев в крови, и к тому же здесь любят и умеют принимать гостей. Поэтому башню художникам, что называется, сдали без боя.

Возглавил проект, как уже было сказано выше, Юсуп Ханмагомедов; Екатерина Дидковская и Магомед Даудов выступили в качестве координаторов, в творческую группу вошли также Абдулгамид Канаев (помимо всего прочего предоставивший свой дом в полное

гами. Они подолгу жили и работали в старой части аула, зарисовывая с натуры резные камни, громоздящиеся друг на друга удивительные дома с пронзительно-синими оконными переплётами и дверьми; узкие тоннели улиц (туда почти не попадает солнечный свет, поэтому они всегда сырые и мрачные, за что их и прозвали «кубачинским метро»), крыши, сараи, мостик и площадь в базарный день и, конечно, кубачинцев, занятых повседневным трудом. Во время одной из таких поездок и

распоряжение участников и гостей биеннале), Абдулла Каймарасов, Андрей Калугин, Саид Ниналалов. В качестве специального гостя и члена жюри был приглашен замечательный петербургский художник, иллюстратор, дизайнер Игорь Ганзенко.

В основной экспозиции, разместившейся на трёх этажах, представлено более 130 работ: офорты всех видов, литография, монотипия, ксилография, линогравюра, а также произведения, созданные в смешанной авторской технике. Среди 60 авторов — художники из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Тулы, Красноярска, Владикавказа, Набережных Челнов, Якутска, Махачкалы и Каспийска, а также Германии, Франции и Азербайджана. За первые десять дней выставку посетило около тысячи человек, из них 300 — непосредственно в день открытия, который стал настоящим праздником в первую очередь для кубачинцев.

Пока многочисленные гости разглядывали суровых пальтаров (пальтары — ряженные, без которых в Кубачи издревле не обходится ни одно торжество. Традиционно пальтары носят кольчуги и войлочные маски — «паалтуртэ», полностью закрывающие не только голову, но и часть спины и груди. — *Ред.*) и фотографировали наползающий на башню туман, жители села спешили попасть в выставочные залы. Пожилые кубачинки, подшучивая друг над другом, ловко взбирались по крутым шатким деревянным лестницам, соединяющим этажи башни. Мужчины входили степенно, не торопясь оглядывали выставочное пространство. Все очень внимательно рассматривали и обсу-

ждали каждую работу, интересовались техникой выполнения. Узнав, что для создания офорта рисунок необходимо выгравировать на медной или цинковой пластине, расплывались в улыбке: «О-о-о, это же ювелирная работа!», — и ещё внимательнее вглядывались в каждый штрих. Тут же крутилась любопытная детвора, которую больше занимали сюжеты произведений.

А они просто поражают своим разнообразием, поскольку организаторы не давали участникам какой-то одной темы, не ограничивали в выборе жанра: пейзажи, портреты, натюрморты, аллегорические композиции, бытовые и жанровые сцены, экслибрис и иллюстрации — всему нашлось место. С удивительным миром Севера знакомят зрителей гравюры Надежды Ивановой из Якутска, нартскому эпосу посвятила свои работы владикавказский художник Зинаида Кулиева, старый Баку воспевают Эльвира Сафаралиева (Азербайджан). Герои произведений Светланы Кошелевой (Тула) пронзительно одиноки, а Ольга Саксон, напротив, создаёт в своих листах уютный и тёплый мир. Александр Артамонов (Казань) и Олег Богомолов (Санкт-Петербург) размышляют о вечном, вспоминая библейские сюжеты. Марат Мингалеев (Набережные Челны) уводит зрителей в самое начало XIX века — время романтизма в искусстве и в жизни. Выпускники и студенты мастерской графики ХГФ ДГПУ свои гравюры единодушно посвятили Дагестану. Получилось какое-то коллективное признание в любви к родному краю и выражение почтения и благодарности старым горцам, восхищающим молодых художников мудростью, добротой и спокойствием.

Значительную часть экспозиции заняли художники, чьи работы вошли в золотой фонд дагестанского изобразительного искусства: Гасан и Гусейн Сунгуровы, Таймазхан Магдиев, Иса Хумаев, Галина Конопацкая, Виктор Горьков...

Музей истории города Махачкалы предоставил для выставки моноптипию Алексея Августовича «Набережная» (1960). Алексей Иванович известен прежде всего как живописец, печатная графика не характерна для его творчества, что

делает экспонат поистине уникальным. В этом разделе также можно познакомиться с графикой таких мастеров старшего поколения, как Камиль Мурзабеков, Имамали Халилов («Базар в Кубачах» с его линогравюры, созданной в 1989 году, можно сравнить с современным базаром, который всё так же проходит на аульской площади по четвергам), Арслангерей Акавов. Нежную, трогательную серию гравюр «Аксайская сюита», выполненную в технике сухой иглы, представил Абдузагир Мусаев. Блестящий живописец, создатель декоративно-монументальных росписей, театральный художник, руководитель мастерской живописи отделения изобразительного искусства ХГФ ДГПУ, член-корреспондент РАХ, в этих работах он демонстрирует иную грань своего таланта, по-новому открывается зрителям.

Решением жюри лауреатами биеннале были признаны Светлана Карпова (Красноярск), Зинаида Кулиева (Владикавказ), Фатима Саидова (Каспийск), Галина Юсупова (Махачкала) и Ольга Саксон (Санкт-Петербург). Олегу Дозорцеву из Санкт-Петербурга было присуждено 1-е место, Асият Камилловой из Махачкалы — 2-е. Последнее призовое место заняла Ирина Антонова из Казани. Все победители и лауреаты получили в качестве ценных подарков серебряные изделия работы кубачинских мастеров. Ещё девять авторов были награждены дипломами за высокий профессионализм в искусстве. Карина Алиева и Андрей Калугин были отмечены как самые молодые участники биеннале.

С каждым годом заброшенных домов в старом Кубачи становится всё больше, они быстро ветшают и обрушиваются. А те саки,

что ещё используются, хозяева стараются сделать более удобными для жизни: вставляют оконные рамы из пластика со стеклопакетами, меняют глинобитные крыши на жестяные, крепят к стенам спутниковые тарелки. И знаменитая панорама аула, неизбежно восхищающая всех, кто видит её, сегодня выглядит совсем не так, как 10, 20, а тем более 50 или 100 лет назад. Конечно, влияние прогресса неизбежно и нельзя упрекать людей в том, что они хотят жить в комфортных условиях. Но, что особенно огорчает, в последнее время участились случаи, когда древние камни, покрытые уникальными рисунками, просто выламываются из стен. И хочется успеть запечатлеть с помощью карандашей или красок сохранившиеся образцы горской архитектуры, а также передать ту неповторимую атмосферу, что царит в закоулках «кубачинского метро» и спускается на плоские крыши вместе с туманами. А ещё очень важно, чтобы у местной детворы была возможность знакомиться с современным искусством, с разными его видами, жанрами, техниками.

Помимо выставки печатной графики, в рамках биеннале состоялся десятидневный пленэр, в котором приняли участие полтора десятка художников, включая авторов из Татарстана Марата Мингалеева и Ирину Антонову. Специальным гостем стал Павел Решетиленко (Пятигорск): его акварель с видом на Кубачи ночью можно увидеть на выставке. Многие дагестанские художники приезжали в эти дни в Кубачи, чтобы поработать вместе с участниками биеннале в ауле и его окрестностях, а также в селекрепости Кала-Корейш и легендарном ауле

мастеров-оружейников Амузги, от которого сегодня остались лишь руины.

В последний день биеннале на четвёртом этаже башни была торжественно открыта выставка пленэрных работ, созданных дружной командой участников проекта во время их пребывания в ауле златокузнецов. Жители села, пришедшие на вернисаж, с восторгом узнавали себя и своих соседей, знакомые улочки и дома. Читатели журнала «Дагестан» смогут познакомиться с этими замечательными произведениями и узнать, как работало художникам в Кубачах в течение этих июльских дней, в следующем номере журнала в нашей постоянной рубрике «Пленэр». Среди прочих в экспозиции представлена и работа 8-летнего кубачинца Дауда Яхьяева, который буквально не отходил от художников на протяжении всех десяти дней и сам постигал азы изобразительного искусства под руководством художника Магомеда Даудова. Организаторы биеннале наградили мальчика специальным дипломом, с которым он не расставался даже тогда, когда запускал воздушного змея.

Говорят, что несколько десятков лет назад в ауле существовала традиция запуска воздушных змеев местными мальчишками в середине лета. Ещё в древнем Китае это действо считали магическим ритуалом, чтобы защититься от несчастий, обеспечить хороший урожай, здоровье и успех в делах. Конечно, жители Кубачи не вкладывали в этот процесс такой же серьёзный смысл, как древние китайцы, но было в нём что-то привлекательно-манящее. А потом эта традиция как-то прервалась, чтобы случайно вдруг возродиться именно сейчас. Разумеется,

художники, в заключительный вечер биеннале собравшиеся на смотровой площадке, с которой открывается тот самый знаменитый панорамный вид на Кубачи, восприняли змея, рвавшего ввысь из рук мальчика, как символ больших надежд, как знак того, что всё будет хорошо, и они обязательно сюда вернуться. И тут же задумали провести на следующей биеннале коллективный перформанс по росписи и запуску воздушных змеев!

Выставки печатной графики и пленэрных работ можно увидеть в кубачинской башне до 17 августа. Затем проект отправится в турне по городам Дагестана, а также будет показан в Москве — в Доме национальностей. Затем работы, созданные участниками биеннале во время пленэра, вернуться в Кубачи, где станут основой собрания местного музея, о котором кубачинцы давно мечтают.

Влада Бесараб

Гамзат Изудинов

Гумбетовский район расположен в центрально-западной части Дагестана, граничит с Ботлихским, Хунзахским, Унцукульским, Казбековским районами Страны гор и с Ножай-Юртовским районом Чеченской Республики. Самоназвание гумбетовцев — «бакъльулал», переводится как «люди с солнечной стороны», и Гумбет называют Страной солнца, или же Солнечной стороной. Здесь много солнечных дней в году, и в долине Андийского Койсу растут редкие сорта абрикосов, персиков, яблок, винограда. Гумбетовцы экспортируют фрукты и другую сельхозпродукцию в другие регионы страны. Помимо террасного садоводства, здесь также развито террасное земледелие, на альпийских лугах выращивают скот, имеются успешные сельхозпредприятия.

НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ

Аргвани — музей под открытым небом

Аргвани — классическое горное село Дагестана, музей под открытым небом. В этом старинном поселении Нагорного Дагестана, построенном на скалистой породе,

горские сакли стоят рядами, крыша одного дома является верандой другой сакли, село — как лестница, ведущая на небеса.

Аргвани напоминает старинный город инков Мачу-Пикчу, расположенный на территории современного Перу и являющийся

одним из центров мирового туризма. В монографии «Старый аварский дом» Геннадий Мовчан также описывает дома аргванинцев. В этом древнем поселении витает дух предков, здесь атмосфера легендарного былого, героического прошлого соприкасается с изобретениями XXI века.

Узкие улицы, мощённые булыжником, — очевидцы исторических событий и катаклизмов, летописцы истории. Аргванинской мечети больше ста лет. Во время Кавказской войны село Аргвани было сожжено дотла. После восстановления аула была построена просторная мечеть из тёсаного камня. Дерево для потолочных балок доставили с верховий Андийского Койсу.

Построенное лучшими мастерами по камню и дереву, здание мечети сохранилось по сей день. И в советский период мечеть функционировала, принимая прихожан. От этого старинного строения веет дыханием времени, тёсаные камни — живые свидетели бурь и потрясений столетий. Здесь молились несколько поколений аргванинцев, здесь обрели знания и вышли в большой мир известные духовные и научные деятели.

Аргванинская мечеть — исторический памятник, наследие наших мужественных предков, источник духовности и кладёзь науки. Мудир имама Шамиля Абакар-дибир, наиб Шамхал, учёный-востоковед Абдулатип Шамхалов... — щедрая аргванинская земля богата на имена, оставившие большой след в истории. Летом 1839 года в Аргвани произошло крупное сражение, вошедшее в историю Большой Кавказской войны XIX века. Тысячи воинов полегли в этом бою. Камни аргванинской мечети смотрят на нас как живые глаза прошлого: то с укором, то с сожалением, то с печалью...

Стремительная добровольная и принудительная урбанизация Страны гор сыграла свою роль в обнищании и опустении некоторых аулов. Однако нельзя сказать, что мигрируют все горцы. В некоторых горных районах жизнь настолько патриархальна, что никто не переселяется на чужбину, люди остаются, живут и работают здесь.

Многие аулы уже превратились в маленькие города — во все дома проведена вода, имеется канализация, все остальные блага городской инфраструктуры. Аргвани — не исключение. Молодёжь предпочитает жить в новом селении, выросшем на широком плато Садуб в нескольких километрах от самого Аргвани. Новое Аргвани — современное поселение, почти посёлок.

Горы — особый мир, здесь особая аура. С гор явились в мир великие идеи. Синай, Тибет, Арафат... Без гор и горцев планета Земля не была бы планетой Земля.

Село Аргвани — важный пункт для путешественников и гостей, увлекающихся культурно-историческим, этническим, этнографическим туризмом. Здесь они смогут окунуться в прошлое Страны гор, потрогать камни и сооружения, которым исполнилось несколько столетий, увидеть места бывших сражений, пополнить запас знаний о Дагестане и Кавказе.

Харибский перевал

Высота Харибского перевала составляет более 2 500 метров над уровнем моря. Гора находится на границе Гумбетовского и Казбековского районов Дагестана. У подножия Хариба расположены высокогорные сёла Артлух и Данух. В зимнее время на перевале часты снежные бури, сходят лавины, свирепствуют метели.

На вершине Хариба прохладно даже в жаркие летние месяцы. Исторически этот перевал служил связующим звеном между горным и равнинным Дагестаном, являлся мостом между горами и низменностью. Перевал образует седловину на хребте.

В 1395 году, во время походов Тамерлана через Дагестан, часть его войск прошла по Харибскому перевалу. Для прохождения они построили специальную дорогу на склоне горы Хариб, следы которой сохранились до сих пор.

Через Харибский перевал также проходит маршрут, по которому перегоняют мелкий рогатый скот на пастбища земель отгонного животноводства и обратно в горы, на альпийские луга. У видавших виды чабанов Дагестана всегда найдутся истории о сложном переходе через «кавказские Альпы», рассказы о том, как аргванинцы, данухцы, артлухцы — все гумбетовцы, не раз спасали их от снежной стихии на перевале и уводи-

ли людей и отары в безопасные места во избежание обморожений и других несчастных случаев.

Как и всякая высокая гора, Хариб требует к себе особого отношения и берёт в снежный плен путников, пренебрегших инструкциями синоптиков и местных жителей, которые предупреждают людей об ухудшении погоды на перевале. В советский период дагестанское радио зимой регулярно сообщало о ситуации на Харибе, и при непогоде звучал голос диктора: «Харибский перевал закрыт». Дорога жизни для горцев через Хариб была открыта в 50-е годы XX века и связывала горы и равнину Дагестана единой транспортной артерией.

Здесь имеется домик для спасения терпящих бедствие и для согревания продрогших путников. В советский период здесь была расквартирована база военных. Как напоминание о службе военных на этой вершине остались руины кирпичных зданий.

Отсюда открывается прекрасный вид на несколько районов Дагестана. С перевала перед путниками расстилается панорама гор и равнин республики, видны земли Унцукульского, Гумбетовского, Казбековского, Хунзахского, Ботлихского, Ахвахского, Цумадинского, Гунибского и других горных районов республики, а также равнины Хасавюртовского, Кизилюртовского, Буйнакского и других районов и городов. Гора Хариб расположена недалеко от административной границы с Чеченской Республикой, с вершины перевала можно обозреть и соседнюю республику.

Вершина Хариб — уникальная природная смотровая площадка, открытая всем ветрам. Как писал Расул Гамзатов: «Быстрее поднимайтесь в горы, чтоб с высоты увидеть мир».

Человечество всегда тянуло в горы. Вершины завораживают, вызывают пиетет, восторг, непередаваемое ощущение свободы и величия. Среди гор и перевалов Кавказа у Хариба — своя собственная история, своя особенность и свои легенды. Поход на Хариб — занятие для людей рискованных, мобильных, влюблённых в горы, стремящихся подняться поближе к небесам и сверху, с высоты

орлиного полета, полюбоваться нашим прекрасным Кавказом.

Конечно, туристический кластер на Харибе не создан. Здесь почти нетронутая природа и нет горнолыжных баз. Несмотря на это, находятся смельчаки и авантюристы, которые ездят на внедорожниках по склонам перевала. На Хариб устремляются искатели приключений, любители острых ощущений и экстремального туризма. Сюда поднимаются те, кого влечёт дух гор, величие исполинов Кавказа, колорит и неповторимость местной природы.

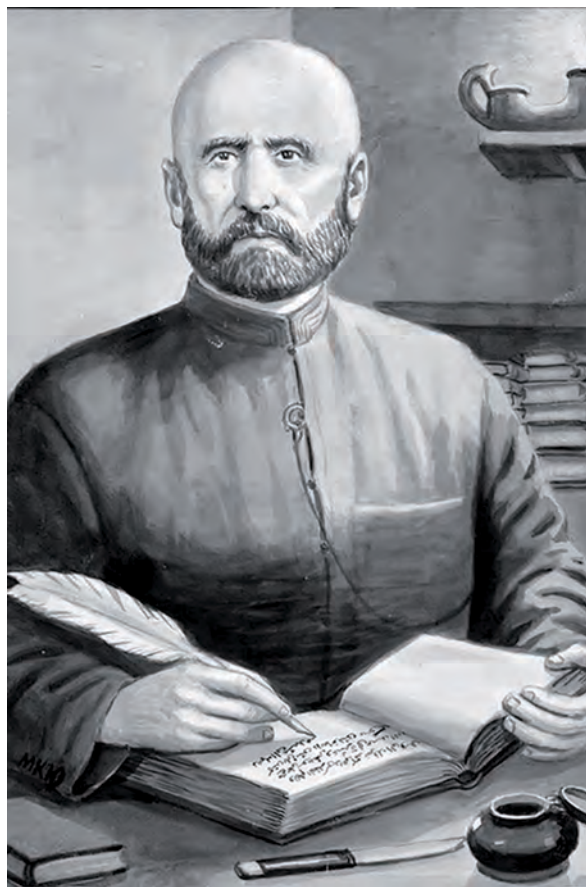
Если будут инвестиции, на Харибе можно создать прекрасный зимний курорт. А пока... сюда приезжают энтузиасты, любители зимних походов и экстремальных вылазок на снежные вершины, романтики, очарованные горами.

Во всём мире люди трепетно относятся к вершинам. Названия гор дают всемирным спортивным соревнованиям, летательным аппаратам, машинам, творческим коллективам... Такая же аура царит и вокруг Хариба.

Верхнее Инхо — духовная столица Страны солнца

Верхнее Инхо — важное звено в туристических маршрутах Гумбетовского района. Верхнее Инхо — село-полис, кладовая солнца, территория света и фруктового изобилия, обладающая благоприятными для жизни климатическими и природными условиями. Это родина классика литературы, основоположника и родоначальника аварской литературы, учёного, философа, великого и легендарного Али-гаджи из Инхо.

В Верхнем Инхо имеется зиярат (место паломничества мусульман) тарикатского шейха, духовного наставника Абдулхамид-афанди (кь.с.). Верхнее Инхо — родина муфтия Республики Дагестан, устаза Ахмад-афанди Абдулаева (кь.с.). На протяжении двух десятков лет, будучи главой мусульман республики, Ахмад-афанди Абдулаев (кь.с.) просвещает народ, совершая даават, призывает людей к добру, свету, миру, гармонии с собою и миром.

В селе функционирует средняя школа, носящая имя Али-гаджи из Инхо. На стене висит мемориальная плита, извещающая о том, что данное образовательное учреждение названо именем классика. В школе открыт музей Али-гаджи. Педагоги часто проводят открытые уроки, конференции, посвящённые жизни и творчеству Али-гаджи из Инхо. Здесь имеется родовое гнездо поэта. На стене фамильного дома мыслителя красуется мраморная плита с надписью «Здесь родился и жил Али-гаджи из Инхо».

Поездка в Верхнее Инхо — это больше чем поездка, это путешествие в мир духовности, мудрости, красоты, величия и добра. Туристический маршрут до Верхнего Инхо — это путь для мыслящего туриста, интересующегося историей Кавказа, историей ислама и духовными ценностями.

Народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса сравнил родину лирика Махмуда из Кахабросо со столицей, так как этот аул подарил миру неповторимого поэта. Верхнее Инхо по праву можно назвать духовной столицей Страны солнца — Гумбетовского района, потому что оно явило миру имена мудрецов и наставников.

Старик и горы: вторая природа

Среди достопримечательностей Гумбетовского района внимание туристов привлекают каменные арочные строения на скалистом обрыве вершины Беквета, расположенной на территории поселения Мехельта. И хотя к северу от них в небо упираются башни железного века — трансляционная телевышка и вышки сотовых операторов и других служб, — для любителей старины, ценителей культуры народов Дагестана, которых привлекают «пыльные развалины», исторические памятники, свидетели прошедших лет и столетий, большой интерес представляют средневековые башни, мечети, дома и другие объекты материального и культурного наследия предков.

Исторически горцы Дагестана занимались аграрным трудом, в крупных населённых пунктах были развиты ремёсла и торговля. Террасное земледелие и садоводство Дагестана вызывали восхищение у путешественников и исследователей, которые оставили восторженные отклики о данном виде деятельности. Если все дороги Римской империи вели в Рим, и они были прямыми, то перед горцами стояла задача не менее сложная — строительство дорог и троп по скалистым, труднодоступным местностям альпийских лугов.

...Каменщик, каменотёс, столяр, мастер на все руки, труженик гор Магомед Гаджи-

хмаев из селения Мехельта Гумбетовского района всегда участвовал в общественных работах. Он строил дороги в Нагорном Дагестане. Мастер соорудил дорожное полотно из Мехельты до местностей Гацуб и Энчедахаб, в которых содержался колхозный скот.

Но больше всех работ Гаджихмаева запомнился и сохранился до наших дней крытый арочный загон для скота, возведённый им на краю обрыва в одиночку. Мастер использовал принцип рычага, который, по теории некоторых исследователей, широко применялся при строительстве египетских пирамид. Благодаря такому инженерному замыслу Гаджихмаеву удалось без посторонней помощи построить объект, вмещающий до тысячи голов МРС. Огромные камни скального происхождения каменотёс обрабатывал сам и соорудил из них стены и монолитную крышу, подпираемую каменными арками.

До сих пор арочный каменный комплекс Гаджихмаева удивляет путешественников и туристов, служа памятником человеческому духу, труду, таланту, мастерству. Этот объект мастер соорудил в преклонном возрасте, в 1960–65-е годы XX века (родился Магомед Гаджихмаев в 1886 году, скончался в 1968 году, упав со скалы при расширении своего объекта, — этакого своеобразного чуда горской архитектуры и инженерной мысли, корни которых кроются в историческом опыте и традициях горцев).

При изучении кладки камней и крупных размеров арочных плит в памяти оживает образ Сантьяго из повести Эрнеста Хемингуэя «Старик и море». Только в данном случае перед нами исполинская фигура мастера из народа, аксакала Магомеда Гаджихмаева и его «марлина» — арочного комплекса на краю бездны.

Роччоб — одна из последних крепостей имама Шамиля

Летом 1859 года плато Роччоб рассматривалось как одна из неприступных твердынь Имамата, так как эта гора является природной крепостью, окружённой отвесными скалами. Роччоб — предмет гордости киятлинцев, которые называют гору то амфитеатром, то стадионом, то запасным аэродромом.

Аэрофотоснимок плато Роччоб напоминает живописные, захватывающие дух спутниковые снимки кратеров. Действительно, поднявшись на это плато, будто попадаешь в другой мир, на остров безмятежности, природной красоты и идиллии. Террасы плато Роччоб – памятник самобытной, суровой, неповторимой культуре Страны гор.

ний муниципалитета, расположен уникальный исторический объект — старинная башня, с которой связано множество повествований о времени распространения ислама в этих краях.

Ичичалинские кувшины Тантаринская и Чиркатинская башни...

В селе Ичичали Гумбетовского района столетиями изготавливали медные кувшины. В свадебном обряде кувшин являлся обязательным атрибутом невесты. Этот народный промысел сохранился в Ичичали и сегодня: мастера и по сей день выставляют свою продукцию на выставках и всегда удостоиваются высоких оценок.

На территории села Тантари, входящего в состав сельского поселения «Сельсовет “Игалинский”», расположена башня. Это сооружение является родовой, фамильной башней, о чём свидетельствует большое количество керамики внутри строения. Археологи определили возраст керамики — около 300–400 лет.

На окраине селения Чирката Гумбетовского района, являющегося одним из крупных поселе-

На территории Страны солнца находится множество природных и исторических памятников. Не случайно в последнее время в эти места всё чаще организуются пресс-туры, фототуры, блог-туры, экскурсии. В Гумбетовском районе чтят свои исторические корни, свои традиции. Здесь есть, что хранить и что показать.

Влада Бесараб

ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ЧЕСТНОЙ

Во время интервью с фронтмэном группы «Иное-Иное» Исламом Ибрагимовым мы говорили о том, что рок-движение в Дагестане последние пару лет набирает обороты. Появились молодые талантливые музыканты, выросло новое поколение зрителей, концерты, пусть и небольшие, проходят почти каждую неделю. В общем, всё выглядело весьма оптимистично. Мы договорились провести фотосессию коллектива на ближайшем концерте, который должен был состояться в конце июля, чтобы проиллюстрировать интервью самыми свежими снимками с живого выступления: чтобы в кадре были зрители, и чувствовалась атмосфера. И я благополучно уехала в Кубачи на I Биеннале печатной графики. А когда вернулась, выяснилось, что в отношении рок-музыки за неделю изменилось очень многое.

Некий агрессивно настроенный блогер, придерживающийся весьма консервативных религиозных взглядов, записал видео, где назвал рок «сатанинской музыкой». Оно пошло гулять по соцсетям, очень быстро набрало невероятное количество просмотров, а самое главное — комментарии от людей, которые призывали не просто бойкотировать творчество рок-музыкантов, а срывать выступления, и даже «сжечь их прямо на концерте».

Хозяева площадок, где предполагались выступления, оказались мишенью для угроз агрессивно настроенных поборников чистоты религии и борцов за нравственность в республике. На август вроде бы намечался фестиваль с участием байкеров и музыкальных коллективов из других регионов, но теперь о том и речи нет. Все понимают, что сложно будет защитить музыкантов, зрителей, людей, которые окажутся рядом в момент, когда «комментаторы» решат перейти от угроз в соцсетях к реальным действиям.

Как разбираться с такими призывами, дискредитирующими всю республику, туристическую, а заодно и инвестиционную привлекательность которой в последнее время с таким трудом удалось хоть немного поднять, должны решать соответствующие силовые ведомства. Нас же интересует, что в этой ситуации будут делать музыканты. «Снова уйдём в глубокий андеграунд, что для рока вполне естественно», — говорит Ислам Ибрагимов. «Думаешь, будет хуже?» — «Может, и будет, но может быть, это повод, чтобы стало веселей».

В общем, интервью с лидером группы «Иное-Иное» мы решили обязательно давать в номер, потому что всё равно эта музыка будет, а может быть, даже и вечной.

Группа «Иное-Иное» появилась в Капскийске в 2009 году. За короткое время через неё прошли многие музыканты, но с лета прошлого года состав выглядит так: Ислам Ибрагимов (гитара, вокал, тексты, музыка), Гусейн Ибрагимов (ударные), Арсланбек Чижиков (бас-гитара, вокал), Рамазан Магомедов (вторая гитара, вокал). В такой компании они успели даже стать

лауреатами I открытого Всероссийского фестиваля авторской песни (2017г.) и накопить материал для записи трёх альбомов. Необычность ситуации в том, что лидеру группы Исламу Ибрагимову остальные ребята, что называется, в сыновья годятся, а Гусейн, собственно, таковым и является.

— **Эта разница поколений чувствуется?**

— Нет, практически не чувствуется. Мы — команда. Я им доверяю, советуюсь, диктата нет абсолютно. Другое дело, что я чувствую ответственность за них всех, как за своих детей. Ведь именно я их в это втянул (*улыбается*), поэтому очень переживаю, до сих пор не уверен, что сын выбрал правильный путь. Он сейчас поступает в Дагестанское музыкальное училище, но это его выбор. Рамазан уже учится в ДМУ, Арсланбек окончил музыкальную школу по классу фортепиано, даже выступал с оркестром филармонии, а бас-гитару впервые взял в руки с нами. Пусть на меня не обижаются музыканты, которые играли в группе в разное время, но сегодняшний состав — это именно то, что я давно искал. Пусть мы ещё где-то не дотягиваем в технике, но главное, что мы на одной волне.

— **Вот появились новые, совсем молодые музыканты, а вместе с ними выросло новое поколение зрителей. Я была на вашем концерте в июне и видела в зале этих ребят 14–17 лет, которые пришли, чтобы вас послушать. Выступление проходило в ресторане, и администратор был страшно недоволен: «Что за детский сад, они же ничего не будут заказывать!».**

— Да-да, так и получилось, хорошо, что потом подтянулась публика постарше, и ресторан в убытке не остался. (*Смеётся*).

— **А если серьёзно, то какая она — эта публика? Твой сын, мой сын, их друзья, которые слушают рок сегодня, похожи на нас 20 лет назад?**

— Они лучше нас. Я хочу так думать. Во-первых, они лучше образованны, больше видят, больше слышат, им не нужно, как нам, переписывать одну кассету, пока она не затрётся окончательно. С другой стороны,

сейчас вокруг какое-то информационное безумие, в мире каждый день гигантское количество исполнителей появляется, и сложно разобраться, кто есть кто. Но они, эти молодые, как-то разбираются. И тем ценнее, когда они выбирают нас, решают потратить своё время на нашу музыку. Сегодня, если человек потратил пять минут жизни на то, чтобы прослушать некий музыкальный продукт, и его сердце не срезонировало, он вряд ли ещё к нему вернётся.

— А тебе хочется, чтоб на вашу музыку у всех «срезонировало»?

— Ну я понимаю, что всем понравиться нельзя. Новое поколение зрителей — публика искушённая, их не обманешь, они прекрасно отличают честную музыку от нечестной, оригинальный продукт от суррогата. Мы стараемся быть честными. Чтобы человек, уходя с концерта, узнал что-то новое, чтобы произошла какая-то метаморфоза духа. И неправильно делить зрителей по возрасту. Вот на том концерте, где ты была, там ведь и очень взрослая публика присутствовала, в том числе му-

зыканты, которые играли рок в Дагестане ещё в 70–80-е.

— Кстати, да! Уж они-то смыслят в этом и, если не ушли и аплодировали, значит, вы действительно неплохо играете! А если сравнивать саму атмосферу, что царил 20 лет назад и сейчас — разница есть? Мы с тобой просто не знаем, как оно было в 70–80-е, а в 90-х нам есть что вспомнить. Например, группа «Фатимас-бэнд», в которой ты играл, была очень популярна, ваш сольный концерт в Республиканском центре культуры (РЦК — сейчас — Дом Дружбы. — Ред.) помнят до сих пор — «пу-пу-рум-пу-ру-пу-рум» — и вот это вот всё! Группа распалась, но музыка, которую вы играли тогда, продолжает звучать.

— Технических возможностей сейчас, конечно, больше — тут даже сравнивать нечего. Можно записывать музыку, не выходя из дома, инструменты какие угодно легко купить, были бы деньги. А если говорить об атмосфере... мне кажется, что раньше рок-общество, рок-движение было чем-то единым.

Такое, знаешь, родство духа в условиях блокады. В 90-е, когда в соседней республике шла война, мы ведь действительно жили в блокаде: информационной, экономической. Но при этом было единение, и все как-то находили друг друга при отсутствии мобильных, узнавали, где у кого следующее выступление, были в курсе общемировых музыкальных тенденций; кто-то привозил записи, журналы разные из рук в руки передавали. Были живые эфиры на местном ФМ-радио.

— Это уже вторая половина 90-х, когда радио «Караван» появилось и «Европа-плюс». Тогда же рок-фестивали стали проводиться регулярно, все газеты давали анонсы, потом рецензии. Меня за такую рецензию рокеры грозились побить, даже написали гневное письмо в редакцию. (Смеётся).

— Раньше мы играли в РЦК, в Русском театре. Сейчас такую площадку не снять. Даже если будут деньги, рокерам её просто не дадут. Групп не меньше, чем тогда, но все как-то сами по себе — где-то репетируют, где-то играют, что-то выкладывают в сеть. Парадоксальная ситуация: вроде бы вокруг поток информации, но мы по-прежнему находимся в информационном вакууме и его очень сложно пробивать. Сегодня Дагестану не хватает новых культурных символов. Был КВН, был футбол. Спорт? Ну да, борьба, но нельзя же ограничивать всё борьбой. Музыка всегда занимала важное место в жизни наших людей. Разная музыка. Есть наши великие композиторы — Чалаев, Кажлаев — их произведения останутся в веках. Но им должна быть альтернатива. Я в детстве очень любил, когда собирались многочисленные родственники, откуда-то появлялся аккордеон, и все пели народные песни: русские, старинные лакские! Это было потрясающе! Не зря говорят, что музыка — это путь к богу. Сейчас раскол между светской и религиозной частью общества увеличивается. Это неправильно, так не должно быть. Призвание музыки — объединять. Когда Ян Гилан приехал в Махачкалу, на его концерт собрались люди не только со всего Дагестана, из других республик приехали, из Ставрополя!

— Ты был на его концерте?

— О да! Мне тогда было 16 лет, сестра сказала, что Гилан приезжает. А я и не знал, кто это, я тогда ещё на Цое сидел и только только начинал интересоваться западными исполнителями. Выступление Гилана меня потрясло: этот мощный звук, драйв нерепальный, когда весь стадион в едином порыве испытывает восторг. Гилан — это болид, который пронёсся над Махачкалой...

— А свет от него мы всё ещё видим, спустя почти 30 лет... В каком жанре играет «Иное-Иное»? Я тут читала о вас, как о группе, которая играет этно-джаз-рок. Лично мне очень нравится ваш «лакский акцент».

— Мы и этно, и джаз, и гранж, и рок, и авторская песня. «Акцент» есть, да, и мне кажется, что это правильно. Мы дагестанская команда, глупо пытаться копировать западных музыкантов, перепевать их песни, у нас должно быть своё лицо. Если бы вот этого, своего, у меня не было, я бы это дело давно оставил.

— Ты пишешь сначала текст, а потом музыку, или наоборот? Что тебе нужно для того, чтобы написать песню?

— Сначала приходит музыка, а потом текст. Нет, поэтом я себя не считаю. Я общался и общаюсь с ребятами, которые действительно поэты — Рустам Керамов, Игорь Филипченко и другие. У меня есть песни на стихи Расула Гамзатова, Ахмедхана Абу-Бакара. Чтобы написать песню, нужны впечатления жизни. Во мне накоплено достаточно информации. Каждая песня — отрезок моей жизни, и я о нём рассказываю. Конечно, герой — это не Я, хотя некоторые внутренние связи, безусловно, есть.

— Нас, филологов, учили, что нельзя смешивать автора и лирического героя. Даже если факты биографии совпадают. Если анализировать твои тексты, то очевидно, что они многослойные. Там много символов, скрытых и явных цитат, каких-то культурных маркеров, которые легко считывают люди, выросшие, так сказать, на одном культурном поле. Интересно, молодые участники группы видят в твоих песнях тот же смысл, что и ты? Например, в песне «Так танцевал Заратустра», у вас и целая концертная

программа есть под этим названием?
Твои ребята читали Ницше?

— Думаю, что ещё не читали. Хотя мы говорили об этой философии, я старался объяснить, откуда такой образ. Ребята всегда просят разобрать текст, они хотят понимать, о чём он, какой смысл в том, что им предстоит исполнять.

— Это замечательно! Кстати, я провела тайный опрос участников группы и выяснила, что кое-кто Ницше всё-таки успел прочесть.

— О, круто!

— Мне бы хотелось вернуться к текстам. Так вот, то, что я там вижу, чрезвычайно радует моего внутреннего литературоведа и искусствоведа тоже. «Бой в горах скоротечен, // С шашкой против картечи» — и перед глазами сразу Ахульго! «Сорок гор позади, семь небес впереди» — это же просто волшебная сказочная формула, обозначающая целый пространственно-временной континуум. Сказочные образы у тебя вообще часто встречаются, чего стоит только образ девочки, которая одна идёт через лес; существует множество его вариантов, начиная от сказки о Красной Шапочке и заканчивая фильмом Шьямалана «Таинственный лес». В лесу девочку ждут страшные опасности, но она должна их пройти. Выдержать испытание и выйти с другой стороны леса уже иной, — считай, умереть и родиться. В твоей песне ей это удаётся, это же настоящая девочка-горянка!

— Ты про песню «В горном лесу»? Мне нравится твоя точка зрения, это такой женский взгляд. А я писал историю от лица героя, там слова: «В горном лесу // Я встретил красу... // Странный день. // Что я делаю в лесу?». В праздник Первой борозды, когда все веселятся и в «Золотом ауле» (так, кстати, называется другая песня. — *Ред.*) готовят угощение, герой заблудился и бродит по лесу. Он ищет не девушку, он ищет истину. Они встречаются и далее: «В горном лесу // Я танцую кяиссу... // Даже Койсу танцует кяиссу // Сегодня праздник // Я с тобой в лесу... // Я из леса невесту веду // Веду ведунью...».

— По-моему, мы одинаково понимаем смысл этой песни, но действительно смотрим на ситуацию с позиций героя и героини. И то, что их перерождение происходит в праздник Первой борозды, весьма символично. А ещё мне очень нравится твой «Акку», где Малла идёт, летит, ползёт и плывёт в атаку. И там же очередная формула: «Если сломаны крылья, // Накорми тукку хлебом» (тукку — «осёл» лакск. — *Ред.*). С одной стороны, сломанные крылья — это очень распространённое, почти штамп, как «алая роза — символ любви». Только у группы «Наутилус» этих крыльев найдётся по паре в каждой третьей песне. А с другой стороны, ты взял и вывел на его основе формулу счастья: не можешь взлететь —

выращивай хлеб, ухаживай за скотиной, крепко стой ногами на земле! Там ведь дальше так и поётся «ради жизни всё это». Я к тому, что такое авторское видение, «лакский акцент» в рок-поэзии — это здорово. Потому что набор образов и сюжетов в искусстве очень ограничен. Ещё античные греки подозревали, что ничего принципиально нового сочинить невозможно. А степень таланта измеряется тем, чтобы рассказать старую историю по-своему, взглянуть на гору, которая тысячи лет стоит, своими глазами. Все без ума от Шерлока, все без ума от Камбербэтча — поэтому самое время

посмеяться над этим в песне. А тебе приходилось слышать обвинения, что твои тексты бессмысленны?

— Нет, если кто-то недопонимает какие-то моменты, стараюсь разъяснить. Но это минус мне как автору и исполнителю, если нужны дополнительные разъяснения. Значит, я или неверное слово подобрал, или не смог передать смысл голосом. Я уважаю слово, и за каждую строчку песни несу ответственность. А вообще, всегда можно сказать, что отсутствие смысла тоже имеет свой концептуальный смысл. (Смётся). Насчёт сказочных сюжетов, это ты верно заметила, мне нравится писать такие ма-

ленькие сказки. Иногда с продолжением, например, «Прожжённый Ву и красotka Лу» — уже сложилась целая трилогия про их взаимоотношения!

— Твой сын знает лакский?

— Понимает.

— Гусейн, Арсланбек, Рамазан ещё очень молоды, практически школьники. Сейчас музыка их увлекает, у них есть время и желание этим заниматься. Но ты же понимаешь, что рано или поздно они улетят от тебя. Ты готов к этому?

— Конечно, я очень хочу, чтобы они окрепли, оттолкнулись и взлетели как можно выше. И, конечно, я к этому не готов! Сейчас для меня главное, что они рядом, что они разделяют мои интересы. Я стараюсь, чтобы они поняли, что вот так, — не хватая звёзд с неба, не собирая стадионы, тоже можно жить и быть счастливым от того, что ты занимаешься любимым делом, и друзья разделяют твоё увлечение.

— Как там у «Сплин»: «Ну, так и я, слава Богу, // Не Рики, не Мартин, // Не выдвигался на Оскар, // Французам не забивал»?!

— Вот именно. Ты спрашивала, чем они отличаются от нас, эти новые музыканты и новые зрители, наши дети... Свежестью. Широтой взгляда на мир. Они выросли свободными, они не боятся перемен, тех самых, которых требовали и ждали мы, хотя на самом деле не были к ним готовы. В Дагестане есть замечательная молодёжь: умная, образованная, добрая; они — золотой песок, который отсюда вымывает. А хочется, чтобы это богатство оставалось в республике.

— Современному Дагестану нужна ваша музыка? Стоит она того, чтобы слышать угрозы, преодолевать запреты, играть концерты вопреки всему? Или «этот поезд в огне, и нас некому больше спасти»?

— Я бы сказал, эта телега скрипит, но едет. Причём в нужном направлении. Рок-музыка раздражает обывателей, их всегда будет раздражать то, что им непонятно, что не вписывается в их схему «правильно – неправильно». Раздражает, значит, не оставляет равнодушными. Равнодушные хуже всего.

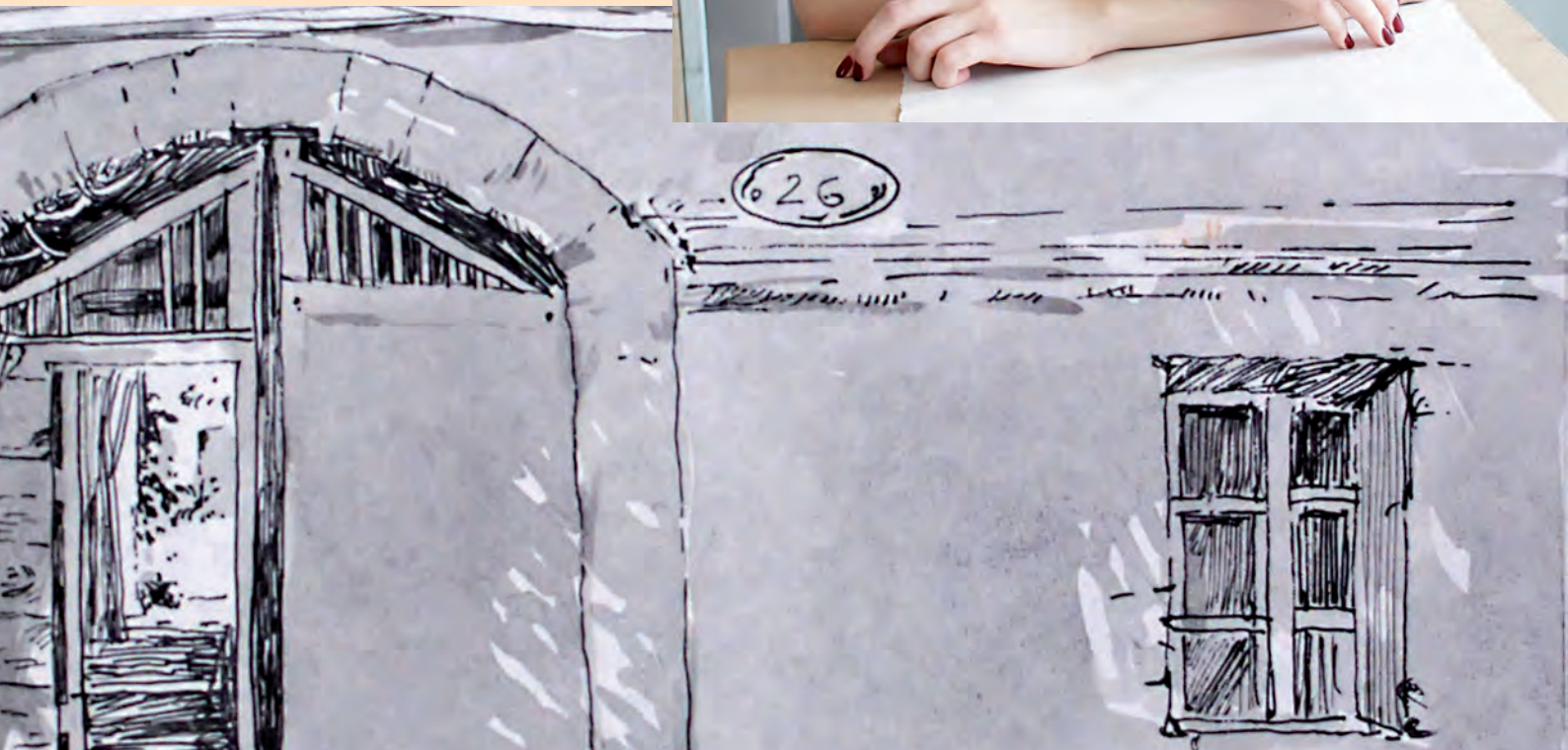
Влада Бесараб

ПОЙМАТЬ ХАРАКТЕР

Пленэр

Студентку мастерской графики Отделения изобразительного искусства ХГФ ДГПУ Карину Алиеву хотелось привлечь к проекту «Пленэр» давно. Но не получалось, потому что Карина — девушка городская, коренная махачкалинка, и нет у неё родного села, о котором можно было бы рассказать живописно-графическими средствами. А Кубачи, Арани и другие замечательные селения, в которых она была на пленэрной практике, мы уже представляли нашим читателям в работах других художников. Поэтому — столица.

Месяц назад на итоговом просмотре 5 курса Карина Алиева выставила офорт «Домик на улице Заманова». Увидев его, я поняла, чего именно не хватало «Пленэру», и как это можно исправить. Я попросила Карину выполнить серию городских пейзажей специально для ближайшего номера нашего журнала. Художница с поставленной задачей справилась: точно в срок принесла папку с рисунками.

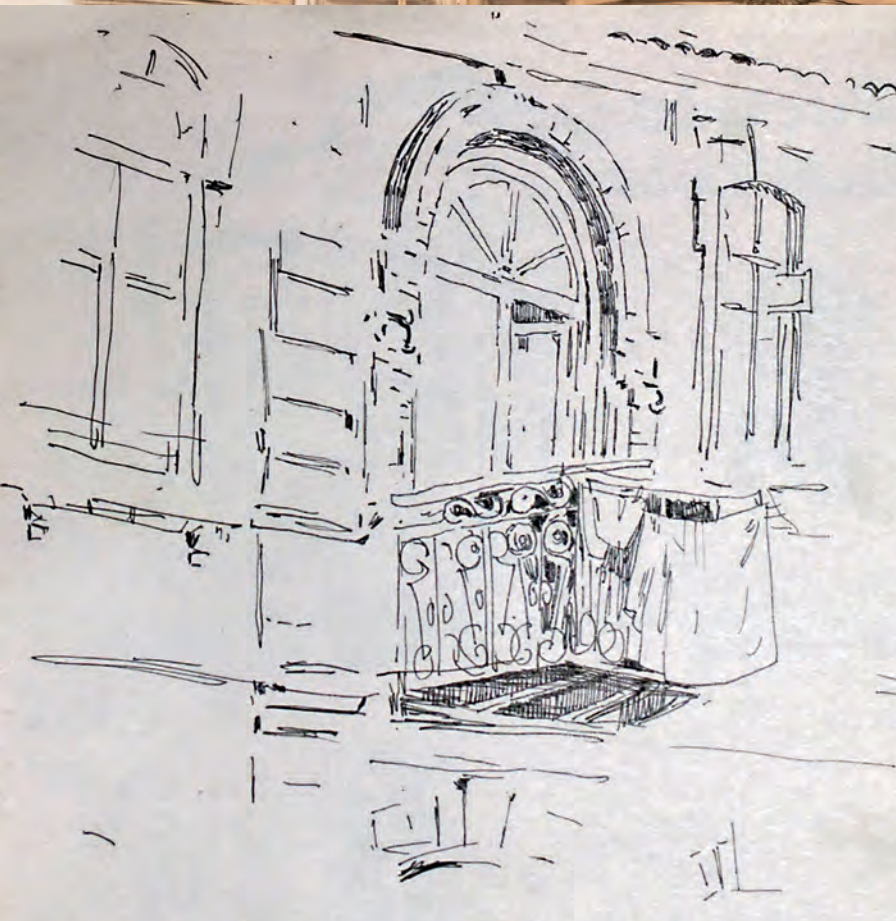
Её Махачкала — это маленькие домики в общих дворах, тенистые улицы, крошечные балконы, которые, того и гляди, рухнут прямо на головы прохожих; щербатые лестницы, ведущие к небу или к морю. Хоть бери и иллюстрируй проект «Был такой город»! Конечно, я спросила, почему обойдены вниманием современные

здания из стекла и бетона, среди которых есть весьма интересные с точки зрения архитектуры, а в рисунки не попали новые высотки и панорамные виды на гору Тарки-Тау и с горы Тарки-Тау. «Мне нравятся сюжетные вещи, с историей, атмосферные», — объясняет Карина.

Её не интересует история большого города, она не хочет смотреть на него с высоты, пусть даже он с этого ракурса красивее и чище. Ей интересно бродить по улицам, где жизнь течёт так же размеренно, как и полвека назад. Ей самой чуть больше двадцати, и она выросла в самом центре города — в районе Грозненской и Гамзата Цадасы, откуда каждый день спускалась к школе № 1, в которой училась. А ещё у неё был бабушкин дом на улице Гаруна Саидова. Сегодня этот район застроен особняками — заборы, камеры, охрана. А были сады, кошки,

собаки, куры — почти деревня. Карина хорошо помнит эту атмосферу и воссоздаёт в своих рисунках именно её. Она говорит, что это, наверное, влияние учителя. Её мастер, заслуженный художник Дагестана, блестя-

щий график Юсуп Ханмагомедов и сам умеет опозитизировать действительность, и своих учеников учит замечать красоту во всём. Не приукрашивать, не приглаживать и не витать в облаках, думая исключительно о высоком. Нет, наоборот, внимательно смотреть под ноги и по сторонам, наблюдать за жизнью во всех её проявлениях. В общем, «когда б вы знали, из какого сора...» и вот это вот всё...

Махачкалинская серия не задумывалась как цельное законченное произведение — это беглые заметки, зарисовки, наброски, этюды. Они разнятся по цвету, по формату, выполнены в разной технике: пером и тушью, гелевой ручкой, акварелью, сангиной. Карина любит экспериментировать с материалами, смешивать их. Но что ей всегда нравилось и особенно хорошо удавалось, так это линейные зарисовки: «Линейное — это ничего лишнего, но можно поймать характер», — говорит она, перебирая рисунки.

Как поймать характер нашего города? Есть ли он у него вообще? Мне кажется, наш город очень жёсткий, даже жестокий, оцетинившийся своими высотками; он душит и давит — зноем, пылью, шумом, асфальтобетоном. А у Карины в рисунках плавные линии, мягкие очертания, какие-то кудрявые завитушки — это листва, а другие, почти

такие же — поддерживают козырёк над подъездом, и водосток лениво расплзся по стене — понятно, что во время дождя больше воды течёт по нему снаружи, но это неважно... Дождя тут, конечно, никакого не было, это мне всё додумалось, потому что вещь действительно получилась сюжетная, со своей историей и атмосферой. «Посади на лист хоть кошку — оживи пейзаж». Студенты-художники часто слышат такую рекомендацию от педагогов, и ещё чаще «сажают» этих самых кошек почём зря. Кошек в махачкалинских дворах водится предостаточно, но ни одна из них на рисунки, к счастью, не попала. Линейное — это ничего лишнего. Только характер.

Алиева К.
2017.

«Нет, острые углы, ломаные линии — это не моё». — «Карина, а Махачкала — твой город? Ты его любишь?» — «Да, мой. Много в нём мне не нравится, но когда я уезжаю в другие города, более красивые, я скучаю по Махачкале, хочу вернуться».

Кажется, что в её Махачкале нет ветра, и провода не гудят, перенапрягаясь, и вообще — всё очень расслаблено и спокойно. Видимо, я в какой-то другой Махачкале живу — контрастной, резкой, дерзкой. А тут даже

чёрное на белом не режет глаз контрастностью, а уж если тон листа тёплый, то вообще получается сплошной уют и умиротворение. «Я не человек крайностей», — как бы извиняясь, говорит о себе художница. Следующий учебный год для Карины Алиевой выпускной. Она уже решила, что выйдет на диплом с серией городских пейзажей (необязательно махачкалинских), а значит, пригласить Карину в наш журнальный проект именно с таким материалом было абсолютно верно, значит, характер художнику поймать удалось.

Светлана Анохина

ВОЙНА И ПЕРЕМИРИЕ АСАДУЛЛЫ ГАДЖИЕВА

Удивительно, насколько заурядным выглядит его дом. Обычная пятиэтажка — таких полно в Каспийске, лавочки у подъездов, абрикос и вишня в палисадниках под окнами, дети галдят во дворе. В эту идиллическую картину он совсем не вписывается, то место, где он живёт и работает, на карте города должно быть отмечено багровым со злыми острыми всполохами оранжевого, с окантовкой графитно-чёрного цвета. Так мне кажется. Таким мне видится сам Асад. Такими видятся его работы.

«Голые бабы и творчество. Остальное мне неинтересно», — говорит Асад. А мне всё время хочется прокричать: «Врёшь!»

Потому как, что бы ни изображал Асад, это всегда о Войне.

Впрочем, он бы со мной не согласился, он практически никогда не бывает со мной согласен. А я — с ним. Мы оказываемся по разные стороны, о чём бы ни заговорили. С ним сложно. Даже сейчас сложно, ведь рубрика предполагает, что я прихожу в гости, домой или в мастерскую — как когда, и через предметы, которыми человек заполняет рабочее пространство, пытаюсь рассказать о нём самом.

Но комната, в которой живёт, спит, ест, пьёт свой кофе, принимает гостей и работает Асад, — практически пуста. И эта ненамеренная, недемонстративная аскетичность говорит о нём так много и так громко, что становится страшно.

«Я не вижу аскетизма, шкафа у меня нет, зачем он мне, — тут же возражает хозяин, — но вот шмотки на стуле, да куча вещей!» Смотрю на эту «кучу», затем на Асада, спрашиваю: «А зимние?» — «И зимние там же! — отвечает и вдруг смеётся. — Шопоголиком меня точно тяжело назвать, это да. Раз в 2–3 года футболку куплю и хватаю. Но вот у меня шапки тут есть разные, это за твои «говорящие предметы» сойдёт? Я их не то чтобы собираю, скорее, ношу. Вот «афганкой» знакомый взгрел, я её

тоже носил, но она некомфортная. В коллекцию упала».

Обычно, когда человек смеётся, говорить с ним становится легче, но здесь не тот случай. Одно слово, одного хмыка достаточно, чтобы Асад перешёл в наступление. Во всяком случае, со мной он ведёт себя всегда именно так. Собственно, наше знакомство началось именно так: на раскройном столе в мастерской у модельера Шамхала Алиханова сидел человек, он повернул голову в мою сторону и сказал: «Ты, говорят, во Львове жила? Тоже

«бандеровка»? Скажи своим, чтоб линияли, мы скоро город возьмём».

О том, что было дальше, рассказывать неинтересно — разговор практически сразу перешёл в плоскость «да мой старший братуха твоего старшего братуху порвёт как грелку!».

А после меня взяли под локоток, отвели в сторонку и пояснили, мол, парень воевал в Украине, за тех, «кого ты не любишь», да-да, добровольцем пошёл, разведчиком был, пару раз приезжал домой, и снова туда. Да ты что, какие бабки, при чём тут бабки!?! Он каждый раз, чтоб туда вернуться, деньги собирал! Два или три раза ездил, а потом перестал. Разочаровался, что ли...

Вот тут мне стало интересно: что ж за человек такой?! А чуть позже я увидела его работы. О них говорить не стану. Тут нужно долго, тут нужно подбирать слова, ошибаться, кружить вокруг найденного, но неназванного, оплетая его защитной сеткой неточных определений. Потому что если ЭТО будет правильно назва-

но, если к нему прикоснуться хотя бы голосом, произнести настоящее его имя — всё взорвется. Такое у меня ощущение.

— Работаю вот тут, за столом. — Асад машет в сторону «стола», которому в этой небольшой комнате выделено особо почётное место. Хотя это не совсем стол, скорее, кульман, здоровенный кусок толстой фанеры, прикреплённой к стене под углом. — Заказал ножки по своему чертежу, ткань пошёл купил, фанеру зафигачил. Подготовил себе место, если место хорошее, то и рисовать кайфово. Вот тут в стопочке мои работы. А те, что над столом, на стенке — брата работы. Я к себе перетащил всё, что о нём напоминает. Я рос под его крылом. Амар был великий художник, я так считаю. Прямо вот великий-великий. Окончил художественное училище — нашу художку. У нас в семье все там отучились, кроме меня; я пошёл было в школу художественную, пару месяцев походил и бросил — решил, что все тут бездари. Поставить перед

нами ворону — Рисуйте! — и пойти чай пить — это разве учёба? А брат совсем другой, он у Гусейна Магомаева в его «Пяти сторонах света» был любимым учеником. Представь себе: 90-е,

вокруг все эти быдлогонны. А он художник. Но для них был авторитетом. Раз в кабаке кто-то матом ругаться начал, а он с девушкой сидит, так подошёл и говорит: «Не смей!» И послушались же! Просто космос был человек. Погиб давным-давно, уже девушку засватал, жениться собирался и тут эта авария...

На рабочем столе рядом с гелевыми ручками — чётки.

— Купил во Вьетнаме по случаю. Просто понравилось, как они лежат в руке. А потом стали талисманом — на войне, как знаешь, атеистов нет. Однажды порвались, так я их подобрал, каждую бусинку отыскал, слепил всё заново. Как будто они только меня и защищали. Вокруг людей убивало, а у меня ни одной царапины. Я не суверен, но в том моём мире это всё реальность. Это всё работает.

Единственное, что роднит эту комнату с обывательским представлением о доме, — низкий столик с чашками, блюдечками, мёдом, конфетами. Это для нас, для гостей. Тут же термос. «Чтоб не бегать на кухню, понимаешь? Кофе за две секунды налил и дальше работаешь. Ну и что, что кухня тут же, всё рав-

но отвлекаешься!» Рядом с чашками тяжёлая, похоже, хрустальная пепельница. В советских семьях среднего достатка такими обычно не пользовались. Вынимали по случаю каких-то праздников и ставили перед гостями, а после тщательно мыли и убирали в сервант. В комнате Асада много таких предметов, они смотрятся случайными, заблудившимися вещами, забытыми и о своём времени, и о своём предназначении. Те же гелевые ручки — они для рисования. И кофе — он тоже для рисования.

— С кофе такая история была. В Ташкенте я работал в бизнесе и, чтоб не мотаться по городу, устроил себе такой мини-офис в Айришпабе. С утра и до 6 вечера стол был забронирован для меня, никто за него не садился. Как-то сидел, читал документы, пил свой кофе... и он пролился. Смотрю, как-то очень правильно пролился — и стал обрисовывать это пятно. Потом уже сделал это своей, как ты говоришь, фишкой. Моя первая выставка была в Ташкенте,

и все работы именно за этим столом делались, он стал частью городских легенд. Сейчас мне фотки шлют из Ташкента: «Смотри, мы за твоим столом!»

На шкафу, что притулился в углу рядом с кульманом, невысокая стопка альбомов по искусству. Саркис Мурадян, Кацусика Хокусай, Библия в иллюстрациях и, — неожиданно История СССР. Асада раздражает и мой интерес к предметам, и вопросы, и предположение, что альбомы куплены им.

— Когда мои работы начнут продаваться, я начну скупать книги по искусству, а пока покупаю только ручки. И что ты к ним прикопалась? Это просто семейные книги, я их с детства наизусть знаю, зачем мне их пересматривать? Просто перетащил к себе в комнату. Тут только один альбом ко мне прямое отношение имеет, вот — Бабур Исмаилов. Это ташкентский художник. Мы кентовались, я часто в его мастерской зависал, насмотрелся на его картины и решил: в жопу работу, творчество важнее! Если бы не ходил к нему, наверное, сейчас сильно поднялся бы. Из-за этого иногда злой на него немного — когда бизнесом занимался, жить было проще.

Работы Бабура многослойные, семиотически наполненные, но спокойные, все знаки и символы вплетены в них естественным порядком, в то время как у Асада они будто рвут друг друга, складываясь в беспокойную опасную картину. Его женщины тоже опасны,

они больны, даже если этого не видно. Их тонкие руки, округлые бёдра, их крепкие груди, живот, лоно, волосы, текущие рекой... Вся эта нарочитая эротичность — просто маскировка, а за ней, прямо как у Стивена Кинга: треугольная голова самки богомола, паучьи жвала, оскаленная пасть бешеной летучей мыши.

Впрочем, с этим Асад тоже не согласен, как и следовало ожидать:

— Да что ты понимаешь! Ты феминистка, да? Я считаю, что феминизм это прямо террористическая организация!

Поспешно перевожу разговор в более безопасное русло, спрашивая о куске полиэтилена на полу — зачем? Отвечает неохотно, будто досадует, что сорвалась такая богатая тема.

— Я же на ткани рисую, неужели непонятно? Кладу на пол, если без полиэтилена — всё промокнет.

— А как вообще задумываешь рисунок?

— Ни одна картина у меня изначально не рисуется в виде какой-то идеи. Начинаю какой-то бред рисовать, из него полоску, из полоски — кружочки, а потом что-то выплывает из этого, потом на определённом моменте я думаю: ох, ничего себе, вот сюда надо вот эту, вот то добавить и получится вот это, вот это. И вот она вырастает во что-то, о чём я не догадывался изначально.

Мне кажется, я, как родился, сразу начал рисовать. Пока по больницам валялся (а я всё детство, считай, в больницах пролежал) нарисовал миллион пар кроссовок «Адидас». На листе помещалось пар 20, а у меня таких листов здоровенные стопки были. Придумывал разные новые модели, десятитысячная пара вообще космическая была! Мама потом говорила, что тайком от меня отправила рисунки на московскую обувную фабрику и ей оттуда ответили, письмо прислали, типа, когда подрастёт, пусть к нам идёт! НО я, видимо, так и не подрос.

Так и не подрос — кажется, это правда. Его горячность, упрямство, задиристость, его матерщина и даже то, как часто он отпускает шуточки на грани фола, по сути своей очень подростковые. В них нет отвратительного тяжёлого и сального подтекста. Просто слова. Просто человек. Художник. Просто перемирие — и нужно его чем-то заполнить.

ВЕРЮ НЕ ВЕРЮ

Умараги Салихова

Вместо вступления

Человек на земле появляется по воле Аллаха, а затем, по жизни он сам пытается определить цель, задачи, хотя судьба распоряжается по-своему. Судьба — это всё, что Всевышним предрешиено при зарождении каждой жизни конкретно. Но главное для чего он появился — это продолжение рода.

Всё, что вокруг этого происходит: притяжение друг к другу, любовь, встречи, то, что происходит даже без притяжения и любви с этой же целью, — это всё хитрости матушки-природы.

Если ты появился на земле, то должен всё, что происходит вокруг, воспринимать как жизнь и стараться то, что делаешь, делать добросовестно, достойно, не нанося вреда и не принося боли тем, кто рядом. Сможешь — делай добро, не можешь — хотя бы не делай зла.

Построить дом, посадить дерево, вырастить детей — это я считаю, как бы банально не звучало и повторено в веках, главной целью моей жизни.

Если я этого не сделала, для чего же я жила?

Можно спорить о качестве этого дома, полезности дерева и о воспитанности детей. Но я скажу, например, я воспитала детей как подобает горянке, и ещё как я могла, ибо не получается у смертного человека делать всё идеально. Воспитала бы лучше, но слава Аллаху, получилось до-

статочно благополучно, я могу сегодня гордиться своими детьми.

Но всё равно, мои дети не вписываются в сегодняшний мир полностью, потому что воспитывала их женщиной с другими ценностями и из другого времени. Они не похожи на других, им трудно мириться с тем, что происходит вокруг, в этом мире.

Другого мира нет, другой истории и культуры, ценностей нет, кроме «бывшего» моего СССР, мы здесь и сейчас, а историей стала моя жизнь. Они — дети, не только мои и другие, не верят тому моему миру, моим рассказам, говорят — сказки, фантастика. Иногда я сама думаю: было или нет, верить или нет? Но эту историю не вычеркнешь из нашей жизни.

Я хочу рассказать своим детям и тем, кто прочитает эти строки, о своём детстве, о бабушках-дедушках, о тухуме, о родине, о крови, которая течёт в них, о времени и людях — обо всём, и ни о чём.

Я уверена, таких, как я, миллионы, и у каждого человека есть и побольше, что рассказать, и это для него очень важно.

Волею судьбы мои дети перемешались и с другими национальностями нашего многонационального Дагестана. Это, естественно, очень существенно и благотворно скажется на моём

потомстве — внуках. Я знаю, это тоже другая история, но хочу, чтобы, когда меня не будет, они читали то, что я для них сегодня пишу.

Главное, чтобы прочитали, вспомнили и никогда не забывали, кто они такие; чтобы любили свою землю, язык, культуру, кровь и происхождение.

В тот день, когда мои дети забудут свой язык и своё происхождение, они могут превратиться в моральных уродов.

Я обыкновенная женщина, мама, человек, но я хочу, чтобы мои дети, и ребёнок каждой матери помнили, что мы отдали им всё, что могли, без остатка, вплоть до своей жизни!

*Необыкновенно счастливая женщина и мама
Умараги Салихова-Керимова.*

Начало

Мне было, наверное, два с половиной или три года. Не знаю, со скольких лет дети помнят что-то, но я помню всё, что расскажу сейчас.

Я смотрела из какого-то окна на очень заснеженную улицу. Всё вокруг сверкало, блестело, пушистая белизна снега ослепляла глаза. Всё было в снегу: высокие ели, дома, горы, какие-то огромные сооружения; оказалось, это были доменные печи, которые строил мой папа. Я

думала, что это весь мир, — другого мира я не помнила и не знала.

А горы были уральские, совсем как дагестанские, но не такие высокие. Но тогда я думала, что они высокие. Меня горы всегда восхищали, манили к себе, и не зря: оказалось, я родилась в Дагестане, а потом меня родители привезли на Урал, в город Магнитогорск, где работал мой папа. Но я этого не помнила...

До меня

У папы был очень грамотный прапрадед Атанас — муфтий Могоха, учёный, арабист, грамматик. При Шамиле-имаме он работал над шариатскими законами и в совершенстве знал арабскую грамоту, науки и Коран. Моего папу учил его сын, папин прадед — Атанасил Магомед, читать Коран и арабскому языку. Когда папа рассказывал урок в школе, он начинал с арабского приветствия. Учителя знали об этом и наказывали его — тогда всё это особо не приветствовалось. Были и такие времена.

После семилетки папа добавил себе года и поступил в Буйнакское педучилище, учился отлично. Там один студент украл и подложил ему под кровать кирзовые сапоги — прямо у него на глазах, в это время зашли с проверкой, и он не попытался даже доказать ничего. Судили, как вора, и дали два года тюрьмы. Отбывал наказание в Подмосковье.

Когда он вышел из тюрьмы, шёл по одной московской улице. Вдруг услышал по громкоговорителю мелодию. Пела Муи Гасанова, песню «Мой бубен» на слова Расула Гамзатова. Ничего прекраснее этой песни никогда не слышал, говорил папа...

Там же, в Подмосковье, он окончил ремесленное училище и работал на строительстве Московского университета и Останкинской телебашни. Когда я спрашивала у него мнение о том парне, который посадил его в тюрьму, он говорил, что не имеет обиду на него, ради Аллаха простил его — благодаря ему дальнейшая жизнь папы пошла по другой линии...

В горах у папы болел единственный родной брат — ШахшалмухАмад (у него была раковая опухоль).

Был у него и единокровный брат (по отцу) — ГАбдулкарин, он тоже, оставив одну дочь Хапсат, погиб на войне ещё раньше.

Сестры у него тоже не было.

Папа был очень одиноким, не считая двоюродных братьев ГАбдулпатаха (не могу его назвать, как все, — ПатахI, потому что папа именно так называл его), ГПумара, Мирзалава, Ибрагьима и АсхIабгIали. Двоюродных сестёр тоже было не много — Бахтика, ПатIимат, Узлипат, Муьминат, ГIайишат.

До того, как папа женился на маме, у него была жена Ольга из Могилёва, что в Белоруссии, и дочь Татьяна. Он на Ольге женился совсем мальчишкой.

Он приехал в горы с женой и дочкой и некоторое время жил там. Люди говорили, что он по всей России искал, наверное, самую невидную жену, а папа говорил, что ему не красота была нужна, а уход и понимание. Ольга была очень сильная женщина, не только физически (она одна с размаху поднимала мешки с навозом на осла), но и духом, характером, иначе, как объяснить её последующий поступок.

Рассказывали, что однажды весной у моей бабушки был «гвай» по переносу на ослах и на спинах навоза на поле. «Гвай» — это когда собираются все, кто хочет помочь в деле: будь то строительство дома или вынос навоза на поля, рытьё фундамента или арыка для воды, заготовка мха для утепления крыши или прополка полей, и ещё многое другое. Все трудоёмкие работы в горах делали сообща, с музыкой, танцами и угощением. Ольга не заметила среди помогающих мужчин моего дядю и спросила, почему его нет? Ей ответили, что он не может здесь работать, но не сказали, что из-за болезни... Она зашла в хлев, где работали мужчины, взяла папу под мышки и вынесла из хлева. Она заявила, что её муж тоже не будет вытаскивать этот навоз...

Моя бабушка рассказывала, как однажды она сказала Тане: «Танечка-манечка, хорошая девочка, иди суда, субалоч». И Ольга в панике устроила скандал, что её дочку назвали плохо. А бабушка, видимо, не знала значения этого слова и удивилась, почему та стала кричать...

Ольге было очень трудно среди новых людей, горцев, чей уклад жизни и мировоззрение не совпадали с её представлениями о жизни; она затосковала по родине; она не могла привыкнуть к горной местности, говорила, что всю жизнь ходить вверх-вниз не может, просила папу уехать обратно.

А папа пока не мог — брат был при смерти, его дети очень малы, мать стара.

Но Ольга всё не успокаивалась и засобиравшись уезжать. Она рекомендовала папе обратить внимание на мою маму, с которой дружила. «Вот Соня — хорошая девушка, женись на ней», — сказала она (кстати, её же хотел видеть папиной невестой и его брат), и уехала. Папа посадил её с дочкой в поезд в Махачкале, и больше он их не видел...

И вот Шахшаламуд стал уговаривать моего папу, чтобы он женился на моей маме и остался

в селе, ухаживать за матерью. Папа дал слово умирающему брату, но потом говорил, что не смог это слово сдержать, — пришлось уехать.

Через годы, оказывается, приходил в сельский исполком запрос от Ольги про отца. Им отправили ответ, что он пропал без вести. Папа ничего не знал про это, он искал их даже когда женился на маме...

Тогда в сёла по комсомольским путевкам приезжали работать русские учителя и врачи. В нашем селе они тоже работали и жили в мамин дом (дом был большой дом, и там устроили сначала гостиницу, а потом ясли). У русских мама научилась хорошо разговаривать на русском языке, она дружила с Ольгой. Мама была единственной дочкой среди трёх сыновей, отец погиб на войне, и её судьбу решал дед. Но дед был ого-го! Очень суровый и правильный! Когда приходили её сватать, он всем отказывал: то — род не тот, то — бедный, то — неработающий, и ещё по многим другим причинам не выдавал её замуж. Ей было уже много, целых 20 лет — «старость» по сельским меркам. И вот моя бедная мама вышла замуж за папу, и попала в незнакомый мир бескрайней России...

Когда выросли мы, мама дала нам старый адрес Ольги и сказала, чтобы мы искали сестру.

Мы искали сестру через радио, архивы, писали письма, посылали запросы, и ответила её мама. Она была очень обижена, что папа не уехал с ней, но потом поняла и простила его. Она больше не выходила замуж, усыновила ещё мальчика и жила в Белоруссии. А с Таней мы переписывались, посылали посылки, но она тоже не попала к нам в Дагестан, хотя очень хотела видеть отца. Она жила Мурманске, вышла замуж за немца, капитана дальнего плавания, и видимо, переехала в Германию. Она теперь Кинстлер Татьяна Вагидовна, когда мы общались, у неё были две дочки. После распада СССР мы потеряли связь с ней...

Прошло много лет, и совсем недавно меня нашла в «Одноклассниках» моя племянница Ольга. Оказалось, сестра наша, с которой мы так и не увиделись, к сожалению, умерла три года назад и остались три её дочери, с которыми мы мечтаем увидеться. Живут они в Мурманске, мы переписываемся и общаемся... Так и распространилась наша кровь по миру.

Вот так судьба свела моих родителей. Папа очень полюбил маму. Когда я узнала, как они

поженились, я думала, как он мог жениться на малоизвестной девушке, которую даже не видел, не любил. Когда меня саму выдавали замуж, он мне сказал, что любить не обязательно, любви не бывает, надо строить эту любовь вместе. Я думаю, у кого как получается её строить, получилось — хорошо, не получилось — разводишься. А если что-то среднее — терпи, не ради чего-нибудь, а ради детей, если они есть. Это уже другая история...

Некоторое время мой папа работал на Гергемской ГЭС; в трудовой книжке есть запись, что он временно принят на работу сварщиком 7 разряда — на капремонт шлюзовых ворот; а в архивах у них есть запись — благодарность за устранение неполадки шлюзовых ворот. Рассказывали, что они не открывались, и сложилась очень критическая ситуация, вплоть до угрозы разрушения плотины, и мой папа устранил эту проблему.

Я уже на земле

Потом папа забрал маму к себе в Златоуст, где родилась моя старшая сестра Зара. В её паспорте запись, которую дети читают и удивляются, говорят: как ты туда попала, мама? Вот я и пишу, чтобы и мои дети знали обо мне и семье, знали почти всё, потому что всё пересказать невозможно...

Мама не раз ещё ездила в горы, ведь там вся её родня — бабушки, два брата, (один брат умер в 12 лет); в один из приездов сюда мама родила меня. Меня маленькую повезли в Челябинск — папу уже перевели туда.

Я смутно помню, как мы с мамой, папой и сестрой ехали на поезде. Это, видимо, было не в первый раз. На одной станции папа вышел купить чего-нибудь — я требовала, наверное, — и отстал от поезда. На другой станции он нас догнал. Как, интересно? Но я помню свой плач, нет — рёв: я думала, что больше не увижу папу. Вот тогда, может быть, зародился в моей душе страх потерять родителей, и он меня всю жизнь преследовал...

Я помню, как папа приезжал за нами с дядей Петром и дядей Сайгидином. Мы с мамой тогда опять были в Могохе. Они были очень красивые и непохожие ни на кого, кого я видела в селе: папа носил беретку, куртку для лётчиков, унты и толстые ботинки. На куртке у него был

Его не оставляли в покое, вызвали снова в Златоустовское управление «Уралстальконструкция». Он участвовал в конкурсе-отборе газосварщиков по СССР, победил, и в числе всего трёх человек был отправлен на Байконур...

Его брат умер в возрасте 28 лет, оставив троих детей... Я помню, хоть мужчины и не плачут, как мой папа до последнего своего дня плакал по умершему брату, просил прощения у него — такой хороший брат был у него, по сегодняшний день люди с теплотой вспоминают о нём. Он отлично танцевал, был очень жизнерадостным, балагуром, работал секретарём сельского исполкома. Говорят, три года ни одной свадьбы не было в селе, даже маленькие девочки надевали покрашенные в чёрный цвет марлевые платочки — так носили наши сельчане траур по нему.

очень мягкий и тёплый капюшон с молнией. Он раскрывался и закрывал почти всю спину. Мама говорила — беличий, а мне было жалко этих белок.

Я помню, залезла на плечи дяди Петра, он наклонился, и я скатилась кувырком и ударила головой об угол печки. Было больно, но я не плакала, не хотела огорчать папу. Потом мы впятером долго ехали на поезде. Сестру оставили у бабушки в горах, и я скоро про неё забыла...

У нас был очень гостеприимный дом — всё время были гости. В то время где-то рядом жил односельчанин Абдула Абдулжалилов, женатый на татарке. Мне до сих пор нравится её имя — Халида. Очень красивая она была. У них был сын — Камиль. Они жили с моими родителями, как одна семья. Что-то у них не сладилось, они потом разошлись, и его женили на родственнице, и потеряли они друг друга с сыном. Когда я училась уже в седьмом классе, Камиль приезжал к нам в горы, мои родители нашли и пригласили его, познакомили с роднёй. Из всего этого одна я пострадала — пришлось отдать ему всё собрание сочинений Расула Гамзатова, но я не жалею, пусть читает на здоровье! Пусть все знают, кто такой Расул Гамзатов, и что такое Дагестан!

(Продолжение следует).

Папа несет цветы маме

Папа, мама и
Абдула Абдулкашипов

Мама с Зарой в Больнице
город Златоуст 1960 год

Мама и Папа

Могох

Мои родители.
Все вещи вкшитк мамой

Сестра Татьяна

Папин брат Шахшамух/Амиад

Дядя Шахшамух/Амиад
с сыном
и супругой Сайидбат

Папины двоюродные сестры

Магомед Бисавалиев

Как мой отец потерял своих коней

Я никогда не прошу отца рассказать ту или иную историю для того, чтобы опубликовать. Да и он вряд ли будет рассказывать что-то для печати. Если попрошу, то возникнет неловкое положение: у нас как-то не принято так, чтобы отец с сыном говорили о своём творчестве. Он не подзывает меня, не делает никакого вступления — истории из прошлого возникают неожиданно, и слышу я от отца увлекательный монолог, который долго не покидает меня и в итоге оказывается на страницах моей «Тайной тетради».

У каждой семьи, наверное, свои традиции, у нас свои, а монологи отцов длятся уже многие годы и рассказывают их потомки по случаю. Так и появились нижеприведённые истории о лошадях. Когда отец увидел картину места слияния рек Тлянадинка и Джурмут, пошло повествование. Преемственность в рассказах, передача былого сохраняется у нас. Сначала ты мальчик, и голос отца слышишь редко, затем становишься юношей, мужчиной, и голос слышен всё громче. Ты всё это впитываешь и пропускаешь через себя — когда-нибудь будет и твой монолог о минувших днях, рассказах старины и жизни своей, которую ты провёл в этом бренном мире, если, конечно, будет человек, который готов послушать тебя. Да будет так.

— Когда мы с Яхьей из Ульгеба спулись по серпантину к тлянадинской речке, прогремел гром и пошёл проливной дождь, он всё усиливался и усиливался. Мы с ним вместе работали тогда. Я был молодым, 25-летним директором Чородинской средней школы-интерната, он был на лет 15 старше меня, работал там же завхозом.

Мой конь, купленный за неделю до этой поездки в Белоканах, был не приучен к горным тропам. Всё время фыркал, махал головой, вздрагивал от шорохов, но шёл впритык за конём моего попутчика. У Яхьи был здоровенный конь гнедой масти, который хорошо знал местность и шёл как по открытому полю уверенно и не спотыкаясь. После очередного

поворота открылась поляна и сама река Тлянадинка. Она была мутной от бесконечных дождей, бурлила, громычала, разбиваясь о валуны. Моста не было — ночью река унесла. Мы оказались перед сложным выбором: перейти речку на лошадях или вернуться домой и ждать, когда река присмирееет. Всё же решили рискнуть. Метров пятьдесят отделяли брод от того места, где Тлянадинка сливалась с рекой Джурмут, а там река становится вдвое больше. Стоит оступиться и волна снесёт туда, откуда выбраться будет крайне тяжело. Яхья трезво оценив возможности своего коня, сказал:

«Если вода выше моего пупка, я становлюсь беспомощным — плавать не умею. Если конь споткнётся, нет мне спасения. Но мой конь легко должен перейти туда, Исмаил. А твой конь неопытный, ты должен быть готов в случае чего спрыгнуть с него».

Сказав это, Яхья с конём вошли в воду. Опытный, сильный конь широкой грудью рассекал мутный поток, весь вымок, но вынес всадника на тот берег. Мой конь был молод, я покупал его за исключительную красоту: литое тело, длинные, как струны ноги, густая блестящая грива — он походил на ахалтекинца. Но, кажется, он впервые видел перед собой дикую стихию воды, не хотел приближаться, бил копытом то о землю, то по воде. Но я не давал ему возможности увернуться, и конь послушался моей руки, ступил в реку.

С самого начала он пошёл как-то странно, боком, когда дошли до середины, конь как подкошенный упал в ледяную мутную волну, а меня удар потока сорвал с седла. До берега было далеко, я никак не смог бы доплыть, оставалось только отдаться течению и надеяться на Аллаха. Вода бурлила, крутила меня, словно малую щепку, мне осталось пустить себя по течению и переплыть, куда волна меня кинет, лишь бы выбраться на берег. Так и сделал, в месте слияния двух рек показался мой конь и тут же исчез в мутном потоке, по дальнему берегу бежал и кричал Яхья, но река шумела так, что я ни слова не мог разобрать. Только видел, как взлетают его скрещенные руки и понял, что он запрещает мне даже пробовать преодолеть реку.

Но я учился в Избербашском интернате, то есть много лет жил у моря и хорошо плавал. А для того, кто научился плавать так рано, вода не враг, и каким бы быстрым не было течение, справиться с ним не такая уж проблема. Я замахал в ответ, стараясь жестами успокоить Яхью, переплыл реку и выбрался на другой берег.

— А конь твой? — спрашиваю я в полном непонимании, ибо никогда не слышал, чтобы лошадей унесла река.

— Конь в этом бурлящем, мутном потоке в двух местах появился, потом пропал с концами, река унесла, так и не нашёл нигде до Аварского Койсу. Даже не нашёл того, кто хотя бы кости моего коня видел. Через несколько месяцев один мой знакомый тлебелав (тохотинец) нашёл недалеко от аула Тохота мои хурджуны и потник от седла, больше ничего не нашли, — сказал отец и посмотрел на картину, которая висела на стене у меня дома. Это было именно то место — место, где сливались реки Тлянадинка и Джурмут. Хотя картина висит там несколько лет, почему-то только сегодня отец рассказал мне эту историю. (На картине поздняя золотая осень и маленькие чистые реки. При дождях они становятся раз в пять больше).

— Жалко было коня? — спрашиваю я, чтобы разговорить отца.

— В тот день нет, был рад, что сам спасся. А потом, когда прошло время, всякий раз вспоминал о коне, переходя эту речку, — совсем молодой и неопытный конь был. И удивительной красоты. С красивыми конями мне не везло, у меня их за мою жизнь было более сорока. Был ещё один удивительно красивый конь, с ним совсем печальная история, даже рассказывать не хочу... Ладно, чай дают они нам? — спросил отец, закончив разговор о лошадях.

Я очень хотел его вернуть к разговору, не знал, как это сделать и спросил:

— А что случилось, отец, с другим конем?

— Застрелил...

— Застрелил??? Кто застрелил?

— Я попросил друга, чтобы застрелил. Это длинная история... Скажи там, чтобы чаю нам дали, — сказал отец и прервал разговор.

— Это случилось в 1956 году, в середине лета. Со мной был Багадур из Чорода, шли из Тлярата в село Цумилух верхом на красивых лошадях-иноходцах. Председателем колхоза в те годы там работал наш джурмутовец Абдулазиз. Он звонил к нам в Тлярата и попросил, чтобы к нему заглянули. «Пока вы едете, барашка тоже зарежем», — пообещал Абдулазиз, и мы, довольные, держали путь в Цумилух. Но Багадур был такой человек: где он, там обязательно должно что-то произойти. От богнодинской речки должны были свернуть в сторону Цумилуха, а Багадур направился в сторону селения Никар или Сикар. Он был беспокойным, хулиганистым мужиком, делал что вздумается, особо не заморачиваясь, — рассказывает отец.

— В Цумилух разве через Никар идут?

— В том-то и дело, что не идут. А Багадур кричит мне из лесу: «У меня возлюбленная там, мне надо её видеть... Я слышал, её выдают замуж за односельчанина, если она хоть жестом даст понять, что замуж за него не хочет, я должен украсть и увезти её».

Мне не очень понравился этот план, но отпустить его одного в чужое село я не захотел и повернул коня вслед за Багадуром.

За очередным крутым поворотом открылась площадка, где торчащие корни больших сосен взрыхлили землю и образовали подобие лестницы. Мой конь будто застрял в этой рыхлой земле, дважды рывком вспрыгнул через небольшой земляной вал, задыхаясь, поднялся, и на ровной дороге вдруг встал как вкопанный. Я спешился, осмотрел коня, потянул за поводья. Конь сделал шаг другой, сильно припадая на правую переднюю ногу. Видимо, он неудачно ступил, застряв копытом между корней, а попытавшись рывком высвободить ногу, серьёзно травмировал её, а может быть, и сломал.

Я крикнул Багадuru, что возвращаюсь обратно, мой конь не возьмёт подъём в Никар. Он что-то прокричал в ответ и отправился своей дорогой. С большим трудом добрался я до Цумилуха. Когда пригласили сельского ветеринара, он сразу озвучил приговор. «Перелом... Очень жаль, какой красивый конь...» — сказал и отпустил ногу коня, на которую тот так и не решался ступить.

Всего месяц прошёл с того дня, как я купил этого коня, заплатив за него немалые деньги. Это был иноходец тёмно-каштанового цвета, с длинной шеей. На лбу было белое пятно, а красивая длинная грива напоминала волну распущенных женских волос. Мало кто мог равнодушно пройти мимо него, не оглянувшись. И вот теперь из-за прихоти моего земляка, моей беспечности и стечения обстоятельств он был обречен.

Багадур вернулся, и мы направились в Джурмут. В ауле ветеринары и просто разбирающиеся люди подтвердили: ни лечение, ни наложение гипса ничему не помогут — надо избавляться от коня. Конь при этих разговорах прыдал ушами и затихал, будто слышал и понимал каждое слово, иногда как человек глядел мне в глаза. Порой вздрагивал, смотрел на синие вершины дальних гор и ржал на весь аул.

Наступила осень. Горы вдалеке уже не были синими, а стали похожи на куски колотого сахара, ущелья и луга поутру оказывались покрыты инеем, речки стали тише, а дни короче. Все лошади спустились с гор: какие — в Цор, Белоканы и Кахетию на зимовку, какие — в кутаны на равнину вместе с чабанами и отарами овец.

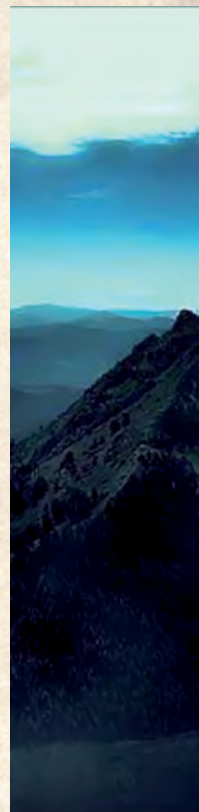
Второй месяц шёл, мой конь сильно исхудал, неохотно щипал травинки и стоял на трёх ногах. Одна нога так и не касалась земли.

Когда за поворотом исчезли последние лошади, что направлялись в Цор, и пошёл дождь, перемешанный с мокрым снегом, меня охватило отчаяние. Приближалось время нашего расставания, наступала зима. После небольших размышлений я всё же решил избавить друга и себя от мучений.

Пришёл Багадур... Он был легкомысленным, беззаботным человеком и с готовностью согласился мне помочь. Я дал ему мой наган, и мы направились в сторону речки. Как только мы дошли до края скалы, под которой шумела река, Багадур выхватил пистолет и как сумасшедший направил его на голову моего коня.

«Не смей!!! Подожди!!! Подожди я уйду, тогда выстрелишь», — прокричал я и побежал.

Багадур опустил ствол и ждал, пока я исчезну за поворотом. Моё сердце учащённо

билось, дыхание срывалось, я, зажав уши ладонями, сидел на корточках у тропинки. Но выстрела всё не было. Я ждал, и каждая секунда длилась долго и будто оставляла на мне свою отметину: одну, вторую, третью... Выстрела не было. Мои ноги затекли, словно я просидел так несколько часов. Наконец я встал и сделал шаг в направлении обрыва, где оставил Багадур и своего коня. И в это мгновение прогремел выстрел. И ещё один. И ещё. Я замер, а после побежал на ватных подкашивающихся ногах. Багадур собирал с земли гильзы, коня нигде не было. Я подошёл к краю скалы и взглянул вниз. Он лежал в глубине ущелья возле речки.

«Все три в голову», — сказал Багадур, усмехнулся и протянул мне пистолет. Меня на мгновение охватила глубокая ненависть к этой ухмылке и человеку, который стрелял в коня, хотя я сам просил его об этом. И долго потом я себя упрекал за то, что сам не выстрелил, что передоверил это чужому человеку, для которого ни мой конь, ни то, что он был для меня как член семьи, ни я сам, ничего не значили.

P.S. Стих, который отец сочинил о своём коне, он мне не прочитал, сказал, что не помнит. Помнить-то помнит, конечно, но

прочитать не захотел — не принято как-то. Мне его по памяти прочитала старшая сестра, она в детстве рылась в отцовских дневниках, нашла этот стих и запомнила:

Исанаги маяль мугрул расалъи,
Харица, тЮгьоца берцин гъабидал,
ТЮмуразул васаз хъихъарал чуял
Русназдаса ричун риччала къватИир.
Цоял эгъе хъахІаал, цоял бох хъахІаал
ЦІахІилал, багІарал, лахІгІан чІегІерал
Тимараль цІвакарал, цІергІан кенчІолел
Цо гъезул берцинлъи бицун пайда щиб.
Дир эгъехъахІ буго хІегІеги бекун,
КІудияб пашманлъи тІадеги бегун,
Рагъда гъужумалде гъалмагъльиги ун,
Лъукъун гІодов ккарав рагъухъан гІадин.
Цо-цо лъугъина гъеб цебего гІадин,
Юргъа бачунаго цебехун ине.
Цинги чІун хутІила бетІерги къулун,
ЧІегІераб ракъалде магІу гирун...

Подстрочный перевод

*В наступающий май, когда низины гор
Цветами и травой украсятся,
Лошадей джурмутовских джигитов
Отвяжут и отпустят на луга.
Одни с белой пяткой и ногами
Серой, гнедой, и вороной масти —
Сверкающие, словно начищенное стекло,
Как вам передать эту красоту?
Мой конь с поломанной ногой,
Останется с грузом глубокой печали.
Словно воин, раненный на поле боя,
Когда друзья ушли на войну, а он остался.
Иногда встанет он, как и раньше,
Попытается идти иноходью.
Споткнётся... опустит голову на землю
И прольёт слезу на чёрную землю...*

Не берусь оценивать эти строчки, да они и не нуждаются ни в моей, ни в вашей оценке. Как не нуждается в ней тот бесконечный поток историй, что берёт начало в такой древности, что представить страшно, рассказанных голосами всех когда-либо живших мужчин моего рода, общий поток, в который, надеюсь, когда-нибудь вольётся и мой голос.

Цепь

Индира Зубаирова

Я не звал их на ужин к себе. Мне бы поговорить только. Вчера снился сон: кто-то ворвался на нашу территорию, и только я успел всполошиться, как вдруг дышать стало тяжелее, воздуха всё меньше и... я не помнил после, как очнулся, ничего. А проснулся, и всё думаю, и тревожно как! Выговориться бы, а некому. Пытаюсь звать кого, да они всё игнорируют.

Соседи временами раскроют свою шторку, и виднеются мне их силуэты. То тонкий женственный, то широкоплечий. А когда уж совсем мне тоскливо и разнесёт меня, то широкоплечий выскакивает в одной майке и кричит на меня.

А мне поговорить бы, всего-то дел. Хоть с кем. Да хоть с псом соседским, который шумит порой не меньше моего. А вот встретимся взглядом через заборчик, так не здоровается даже. Возможно, потому, что у меня явное отличие — глаза. Ни операций, ни колдовства ведь. Гены так распорядились. Мой правый глаз взял цвет от матери — небесно-синий. И это насто-раживает одних, а другие, напротив, под-ходят и всматриваются, словно стараясь в

них что-то прочесть. Потом, под впечатле-нием, рассказывают своим близким. И тех, бывает, встречу у калитки, по несколько че-ловек рассказывают от малышни до широ-коплечих, и смотрят. Смотрят пристально, и губы у них то собираются в один угол, то раскроются так широко, что я могу сосчи-тать их зубы. Порою я сам хочу заглянуть в свои глаза и понять, что в них ищут люди, о чём глаза мои им говорят.

Хорошо мне знаком дед. Не скажу, что он широкоплечий и мускулистый. Высок. Да, высок и худощав, словно тросточка. Ходит, бывает, из стороны в сторону. Неподалёку от нашего огородика. То наклоняется пе-ред чем, то тянется к чему. Я так глубоко о чём-то задумался, пока наблюдал за ним, что оказалось, мысли мои потревожили его. Он подошёл ко мне, взгляд пристальный.

— А? — проговорил я неожиданно, не понимая, чего ему вдруг надо.

А он уставился и что-то бурчит. Так тихо звучала его речь, что мне было не расслы-шать. Я решил повториться и ...

— А чем вы тут занимаетесь? — хотел поинтересоваться я, пытаюсь выстроить

диалог, как вдруг он перебил меня, и речь его на этот раз была мне понятна.

— Что, Тимур, скучаешь? — спросил он мягко и растянул улыбку на правую сторону лица так, что выстроились более глубокие морщины у его глаз и губ, в то время как левая сторона даже не дрогнула.

Растерялся я. При всём моём желании побеседовать вопрос для меня был всё-таки неожиданным. Растерялся и отвёл взгляд, не зная, что ответить.

— Что ж ... мне надо до заката привести сад в порядок. Не скучай! — проговорил он, будто приказывая, и, повернувшись ко мне сторбленной спиной, направился вглубь сада. Я почувствовал некую лёгкость, будто что приобрёл. Может, это надежда, что именно с ним я смогу поговорить, как только он завершит с садом? Только бы с мыслями собраться. Только бы собраться. Так, чтобы речь моя не была скучной и затянутой. Так, чтобы он объяснил мне, как мудрец, о чём говорится в том моём сне.

* * *

Соседский пёс, как всегда, лалял время от времени, и утих к трём часам ночи. А мне было уже не уснуть. Прошёлся по двору, присел на сырой шифер, сложенный неподалёку и глядел. Далёко глядел в небо и считал. Не звёзды, конечно. Не так глуп я, как кажется некоторым. Дни я считал. Ждал какого-то особого дня. И сон тот меня уже не беспокоил, и деда я не видел давно. Вот о чём думал я. А ещё о том, что путь этот Млечный красив. Ох, как прекрасен и непостижим! И унесло меня вглубь мыслей. Я пролетал по космосу и чувствовал свободу, и не было границ, абсолютно никаких.

Солнце спит глаза и не даёт шансов выпасться после бессонной ночи. Чувствую себя паршиво от одной мысли, что дни идут по кругу. Надоело, знаете, всматриваться в одинаковые глаза, считать зубы, ждать деда, трескаться в одиночку ужин и изучать горизонты. Я готов уже пойти на преступление и не вставать вовсе, лишь бы не слышать этот звон. Поначалу я не понимал, откуда он. Ходил из стороны в сторону, преследуя его, а

оказалось, это он преследует меня. Временами я чую тяжесть на шее, будто что велит мне опускать голову и не всматриваться по долгу в синее небо.

— Глаза! — восхищённо выкрикивает ребёнок.

Дайте угадаю — ему лет семь. Измазанный, в драных тапках, и серые шорты чуть свисают, придавая ему вид бродяжки. Я делаю пару шагов назад и приседаю, всматриваясь и читая мальчишку. То вправо наклоню голову, прищурив глаза, то влево, а он смотрит и улыбается. Я пытаюсь нахмуриться, предполагая, что это его напугает, а он ещё пуще смеётся и, протянув ладонь, делает шаг вперёд.

«Эй! — думаю я, — ты чего это сейчас обращаешься как с малым, чего сюсюкаешь? И вообще, чего пришёл в такую рань? Вон, гляди, малышня резвится на соседней улице. Топай-ка (хотел было я сказать)».

А он проходится своей нежной рукой по моей скуле-щеке и дотрагивается указательным пальцем до моего влажного носа. Я растроган и, кажется, обессилен. Он говорит со мной, почти целый час. Рассказывает о чём-то и всё нежнее проходится по моей скуле своими измазанными ручонками. Я ухожу вновь в космическое путешествие и разглядываю космические тела, и вновь становлюсь свободным. А голос его становится всё тише, уходит всё дальше. Свободен...

Собственная дрожь возвращает меня к реальности. Я просыпаюсь и вижу, что малыша нет. И неба голубого нет. Его вообще не видеть. Хлопьями что-то падает на мою шерсть. Звон этот уже более приглушённый — мокрая цепь не звенит как раньше. И со своего двора я вижу лишь силуэты, что нет-нет поглядывают на меня через оконную рамку, улыбаясь. Ребятчий смех уже не слышен с соседних улиц. Даже пёс соседский стих. У порога будки лежит неутоптаный снег. Лишь вдоль цепи он подтаял, и чуть виднеется земля: цепь оставляет змеиный след.

Я бы наведался к кому на ужин. Да что там ужин, мне бы больше не слышать звона цепи...

Казбек Султанов

«Спроси у сердца своего...»

Неутомимо расширяющий диапазон творческих интересов — так бы я ответил на вопрос о жизни и деятельности Муртазали Дугричилова. В название своей первой, если не ошибаюсь, книги он вынес два слова: «Счастье жить». Что это такое, если не потребность и готовность открывать новые горизонты?

Жанровая полифоничность его текстов — предмет филологического «расследования».

«Последний газават: Повесть о 1877 г.», поэма «Уздень», посвящённая легендарному 1859-му году, литературно-политический портрет (Г. Баммат, А. Цаликов и др.), критико-литературоведческие работы и, конечно, стихи — его давний стихотворный цикл «Суфийские озарения» остался в моей памяти строками: «Ни в мире том, ни в мире этом / Не может быть щитом монета; / Никто не мог прикрыться ею / От стрел Божественного света».

Не менее разнообразен и круг тематических предпочтений — от арабоязычной

литературы Дагестана до литературной северокавказской диаспоры, от темы и образа Дагестана в восточной и европейской литературе до увлекательного цикла из пяти частей «Кавказ в XX веке», прозвучавшего на Радио Свобода в 2010 г.

Перечень сам по себе внушителен, но не могу не добавить то, чем я особенно дорожил в 90-е годы прошлого века: подвижническая деятельность Дугричилова в роли главного редактора журнала «Наш Дагестан». Неисправимо честный литератор, он многое сделал для возвращения подлинной

истории Дагестана, шаг за шагом освобождающая её от грубых искажений и нелепых ограничений.

Что бы я всё-таки особо выделил?

Непрерываемый переводческий труд, внутренний двигатель которого — поиск родственных душ в большой литературе. Каждый его перевод согрет эмоциональным и интеллектуальным совпадением с иным творческим миром. Он остаётся поэтом и вдумчивым комментатором, обращаясь к другому поэту, не позволяя себе эксплуатировать когда-то найденные «приёмчики», начиная всякий раз как будто с белого листа — достаточно вспомнить переводы поэмы Ф. Боденштедта «Ада-лезгинка» (1853) и поэмы Хаджи-Мухаммада Сугури «Три имама или Век-Давитель», «Черкесского альбома» (1845) К. Гайларда и средневековой суфийской поэмы «Море Женщин». Переводу последней предшествует выявление «принципов мистической сублимации» в её соотнесённости с утончённой поэтикой и изысканной символиккой на «пути слияния с Богом». Более того, исследовательский энтузиазм Дугричилова заходит так далеко, что возникает к удовольствию вдумчивого читателя детально проработанная «схема достижения мистического трансa согласно учению ат Тасаввуф».

И вот полная для меня неожиданность — Мевляна Мухаммад Джелаледдин Балхи Руми... Переводы его бессмертных произведений, составившие книгу «Рубайи» (Прага, 2017), восходят к первоисточнику — сборнику Руми «Диван-и-Кебир». Появление такой книги стало, несомненно, событием: издав далеко начатый головокружительный путь к одной из вершин мировой поэзии Дугричилов прошёл достойно как поэт, переводчик, исследователь и — истинный горец.

В ряду предпосылок его впечатляющего и неслучайного выбора выделяется зиярат (паломничество) в Конья. Ему посчастливилось посетить столицу суфизма — турецкий город Конья, основанный до н.э. и ставший

колыбелью суфийского братства Мевлеви после смерти Руми. Он не просто побывал в священном Мавзолее Руми, но и читал под его сводами свои переводы рубайи на русском и аварском языках.

В книге поэтическому переводу сопутствует перевод подстрочный как эффективная страховка от излишне вольной интерпретации. Слово и мысль Руми при всей его популярности в мире нередко труднообъяснимы или даже недостижимы, если не подобрать, как пишет Дугричилов, «код к скрытому смыслу» (стоит напомнить, что по авторской самохарактеристике прославленное произведение Руми «Маснави» — «поэма о скрытом смысле»).

Все его комментарии, своевременные ссылки на Коран и хадисы, сопровождающие стихи, призваны расшифровать редкост-

ную плотность этого потаенного смысла и эзотерически значимой загадочности. Проблема адекватного понимания, особенно существенная при общении с Руми, требует и спе-

циального знания, о котором сказано в предисловии «От переводчика»: «Не знакомый с суфийской терминологией и философией переводчик, не догадавшись о чём, собственно, идёт речь, рискует предложить наивное, либо намеренно упрощённое понимание темы, переводя уже не сам текст, а весь четырёхмерный образный мир Руми в плоскость приземлённого мышления».

Если воспринимать суфизм как духовный авангард ислама и метафизический взлёт мусульманской культуры, то мистические откровения поэта-суфия, мыслителя и «послушника Корана» есть не что иное, как непрерывный процесс приближения и постижения Истины, который содержит в себе стоянки духа (макам) — не остановки, что недопустимо, а временные стоянки на пути самосовершенствования. Постигание, как свидетельствует духовная практика суфиев, по сути своей сверхрационально, ибо не ограничивается установкой на разум. Дугричилов неоднократно проясняет этот

... мистические откровения поэта-суфия, мыслителя и «послушника Корана» есть не что иное, как непрерывный процесс приближения и постижения Истины...

принципиально важный момент в познании художественного универсума Руми.

Начальная строка одного из четверостиший — «извивался я, как околованный флейтою змей...» — находит своё толкование в комментарии: «Змей — символ мудрости и разума, мешающего понять Истину сердцем». Следует ссылка на проницательного и духовно близкого Руми человека — «блистательного» Шамса Тебризи: «Интеллект приведёт тебя к двери, но не впустит в дом». Минувя Сердце, в Дом не войдёшь — этот мотив у Руми неустанно возобновляется вплоть до императивной интонации: «Стыдись, о разум! Утончён и светел, / Ни на один вопрос ты не ответил / ... Задув светильник, я Светило встретил!».

Рубайат пронизан сокровенной мыслью о том, что «сердце, в котором есть Бог, океану подобно...». Или: «Ты ищешь клад? Найди его — он в сердце скрыт твоём». Как азан неукоснительно напоминает о молитве, так и призывы поэта — «Спроси у сердца своего...», «Рвись в небо, заблудившееся сердце...» — обязывают следовать безошибочному ориентиру.

Именно на этом пути пылкая страсть к Прекрасной Женщине и пламенная верность Творцу сходятся в творчестве Руми как части целого, подпитывающие друг друга в поиске Истины — недаром возникает и запоминается всеобъемлющий образ «Божественной Любимой».

Ещё один чрезвычайно важный сюжет оказался в поле внимания Дугричилова.

Трактовку смысла третьей строки рубая («Нам всё подвластно от Луны до Рыбы»), акцентирующую миф о рыбе как опоре Земли, он убедительно оспаривает. Обращаясь к изначальной символической (Луна или Полумесяц — символ мусульман, Рыба — символ первых христиан), комментатор выделяет духовное пространство, в котором одному Богу поклоняются мусульмане и христиане: «Христианские реминисценции и метафоры в произведениях Руми, знавшем греческий и даже писавшем по-гречески, встречаются довольно часто».

Прошедшие 745 лет, отделяющие нас от года ухода из жизни Руми, не подтвердили

его апокалиптическое предсказание: «Волны Небесного Океана сотрут мои рубайи и газели, как прилив смывает следы на песке...». Вообще эта тональность из числа вечных мотивов мировой поэзии — вспомним начало предсмертной оды Г. Державина «На тленность»: «Река времён... топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей».

Волны времени сокрушают, превращая в прах некогда живое, а приливы смывают следы любой жизнедеятельности, но даже им не дано «отменить» нетленность слова Великого Мастера, неисчерпаемую магию и долгое вневременное эхо его наследия.

Книга переводов Муртазали Дугричилова — подтверждение этой истины, свидетельство неоскудевающей притягательности и, если хотите, современности Руми. Не менее значителен и такой аспект: «скрытый смысл», внутренний духовный настрой книги, предопределённый приобщением к гению Руми, располагают к мысли о креативном пассионарном толчке, который благотворно проявится и в новых творческих усилиях автора.

Бережное и ответственное отношение к переводу избранных рубайи меньше всего связано с архивной памятью. Перед нами не столько почтительная музеефикация и культ-классика, сколько живая, востребованная, актуальная ностальгия по глубинным смыслам и вечным ценностям, олицетворением которых был и останется Мевляна Мухаммад Джелаледдин Балхи Руми...

Руми. Рубайи

Муртазали Дугричилов

Нет, от затопленной печи душа не может быть согрета, —
Когда тыходишь в дверь мою, тогда и наступает лето;
Зима прошла, но холодок ещё подстерегает сердце.
Пообещав, ты не пришла. Бросает в дрожь меня: ну где ты?!

* * *

Яркий лал, океанского жемчуга ты чистота,
Хоть оставил ты нас, но остался твой след навсегда,
Поводырь наш духовный, поитель сердец,
Хоть и поздно пришёл ты, вернуться не поздно сюда.

* * *

Друг мой, гордость двух миров, погоди, не пробил час,
Не беги, как время, прочь, к вечности грядущей мчась.
Не спеши к её границе, ведь она недалеко,
И домой не торопись, погости ещё у нас!

* * *

Откуда у розы такой аромат? — Вобрала твой запах и цвет.
Откуда над нами такой звездопад? — А это извечный твой свет.
«Уже потемнело, в окно погляди» — ты мне говоришь. Я в ответ:
«Темнеет вокруг и мрачнеет мой взгляд, когда тебя рядышком нет».

* * *

Ты не должна мне сострадать, ты мне помочь не в силе,
Раз не спешишь меня обнять, хоть чувства не остыли.
Зачем ты бросила меня, сказав: «Зачем всё это?»
Тебе не больно вспоминать, как счастливы мы были?

* * *

Уходят другие, а ты, светоч глаз, останься со мною, останься!
В минуту печали, в последний мой час останься со мною, останься!
Улыбкой своею вино полади и кубок наполни до края.
В короне созвездий бесценный алмаз, останься со мною, останься...

* * *

Чем больше каюсь, тем на сердце тяжелей.
Убей меня скорее, пожалей —
Как локон твой, от боли извиваюсь.
Нет! Я с раскаяньем покончу сам скорей.

* * *

Клубы твоей пыли на головы златом легли,
Слепых и глухих, опьянив, за собой повели,
А кто в море святости смог погрузиться бесстрашно,
Очистился в благоухающей этой пыли.

* * *

Если я в Тебе нуждаюсь, значит, я и вправду Твой;
Оглянись, как горожане обсуждают нас с Тобой.
Даже если обойдёшься Ты со мной жестокосердно,
Ранишь в сердце — не посмею называть судьбу бедой.

* * *

Блеянье мира утихнет навеки, когда
Смерть, словно волк, задерёт беспощадно стада,
А гордецам, задиравшим носы без стыда,
Даст подзатыльников, чтобы от них — ни следа.

* * *

Тот, кто по Господу скучая, от неба не отводит глаз,
И тот, о ком мы скажем: «Боже, как ты такими создал нас?» —
Одно и то же носят имя, и это имя — Человек.
И, окликаая так друг друга, мы ошибаемся подчас.

* * *

Красавица, открой лицо, тебя я нарисую,
Не то, обувшись, мы уйдём, зачем гостить впустую!
А может, заслужили мы сейчас по поцелую?
Иль награди меня, а я им поделюсь, ликуя.

* * *

Влюблённый, погибни — спасёшься от муки
И вечную жизнь обретёшь без разлуки.
Не можешь? — найди, где Живая Вода.
Твои причитанья — никчёмные звуки.

* * *

Не будь тебя, решил бы я в пещере прятать сердце? Нет!
Оно прозрело от тоски, явившейся ему во сне.
...Что в избытке придёт, то будет после дешеветь;
Хоть множится моя печаль, она не упадёт в цене.

* * *

Не надо каяться, ты видишь, как я нарушил свой обет?
Желанья каяться у сердца влюблённого, пожалуй, нет.
Я каялся тысячекратно, пока раскаянье само
Ко мне кровавыми слезами не снизошло, устав от тщет.

* * *

Эй, Моисей наш, ты ушёл в Синай?
Устал от наших лиц и душ? Так знай:
Хоть избежал ты пламени Любви, —
В полымя угодил, шагнув за край.

* * *

Ночами с Твоего Лица пьёт небо молоко Луны,
Земля, испив Живой Воды, хмелеет, навевая сны
Всем, кто Твоей Живой Водой сотворены и вспоены.
Вселенная пьяна от нас, и мы пьяны и влюблены.

* * *

Я сжечь своё сердце готов в горниле безжалостной страсти, —
Как стрелы пронзают мишень, пускай в него целят напасти.
Любовь моя, если я чувств своих на тебя не растрочу,
Я сердце в крови утоплю, пускай оно рвётся на части.

* * *

Меджлис влюблённых чужд простых мирских забот.
Вино Любви тебя не свалит — вознесёт.
За знанием идут обычно в медресе,
А Истина сама влюблённого найдёт.

* * *

Я сердцем своим к твоему бы приник,
Оно для того и проснулось, чтоб вмиг
Помчаться к тебе, как зеркальный родник,
В котором пульсирует лунный твой лик.

* * *

Дорогой Истины идущий — будь он учёный, будь простак —
Со всеми равен, и неважно сородич он, или чужак, —
В мазхабе Истины беседы ведут на языке Любви;
Кааба — этих, тех — кумирня зовёт, как путеводный знак.

* * *

Когда мы вместе, Ты меня волнуешь каждый миг,
И если врозь покоя нет, я от него отвык.
Головоломка ещё та. Как быть, пока лекарств
От мыслей не изобрели? Где мысли — там тупик.

* * *

На Жизнь без Любви нам наложен запрет.
О, да! Без Тебя нам и жизни-то нет.
С Тобой разминувшийся — мёртворожденным,
Того не поняв, появился на свет.

* * *

Устал я от Тебя и зол? О нет!
Тебе другую предпочёл? О нет!
Когда в розарии с Тобой уединяемся порой
Боюсь ли я шипов и пчёл? О нет!

* * *

Чело небосвода украсить хочу Твоей недоступной любовью,
Жестокие руки Твои приложу я к сердцу, облитому кровью.
Где ноги Твои прикасались к Земле, там я побываю тайком,
Целуя глазами следы, предпочту молчанье своё славословью.

